

СОДЕРЖАНИЕ:

О тайныхъ и явныхъ рекомендаціяхъ. — У одра нашей оперы. II. *Опернато артиста*. — Хрсника. — Маленькая хроника. — Письма въ редакцію. — По провинціи. — Маленькій фельетонъ. На одномъ лѣтнемъ открытіи. N. — Новое предприятие. — Выходимъ на дорогу. A. *Кучеля*. — О принципахъ новаго театра. *Михаила*. — Замѣтки. *Ното Новис*. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

Рисунки и портреты: К. Галковскій, „Снѣгурочка“ въ Парижской „Oréga Comique“ (6 рис.), Головки (4 рис.), Послѣдній выпускъ балетной школы (1 рис.).

Отъ конторы:

За перемѣну адреса иногородн. на иногородній и городск. на городск. — 25 к., иногор. на городск. и обратно — 60 коп. При высылкѣ взноса, равно какъ и при заявленіяхъ о перемѣнѣ адреса, необходимо указывать № бандероли, подъ которымъ получается журналъ.

С.-Петербургъ, 8-го іюня 1908 года.

Мы коснулись въ одномъ изъ прошлыхъ номеровъ вопроса о частной агентурѣ. Мысль эта, безспорно, заслуживаетъ вниманія. Гораздо лучше имѣть дѣло съ открытой агентурой, чѣмъ тайной. Развѣ не такъ? И. О. Пальминъ обыкновенно отказывалъ, не говоря уже о рекомендаціи, просто въ совѣтъ, или указаніи, говоря, что „по закону“ онъ не имѣетъ права рекомендацію, и направлялъ къ „доскѣ“ съ наклеенными билетиками...

Но, конечно, антрепренеры, находившіеся съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, едва ли направлялись къ доскѣ. Кромѣ доски была еще особая карманная книжечка.

Въ настоящее время новый управляющій Н. Д. Красовъ, находя, что имѣющіяся въ бюро статистическія свѣдѣнія объ артистахъ не приносятъ никакой пользы, намѣренъ разслать всѣмъ антрепренерамъ циркуляры съ обращеніемъ къ артистамъ, дать о себѣ слѣдующія свѣдѣнія, въ какихъ городахъ они служили послѣдніе три года, у какихъ антрепренеровъ, какое получали жалованье и пр. Кромѣ того, не питая, повидимому, довѣрія къ актерамъ, г. Красовъ предполагаетъ обратиться къ антрепренерамъ за подтвержденіемъ правильности данныхъ актерами о себѣ свѣдѣній.

Новый управляющій, менѣе знающій артистовъ, нежели покойный Пальминъ, такимъ образомъ надѣется познакомиться съ ними путемъ циркулярныхъ опросовъ, дабы великимъ постомъ быть во всеоружіи. Какъ онъ думаетъ распорядиться собранными свѣдѣніями объ артистахъ, пока неизвѣстно. Заведетъ ли онъ себѣ книжечку съ краснымъ и синимъ карандашомъ, и такъ же займется агентурой, или предоставитъ свѣдѣнія для справокъ антрепренерамъ безъ всякихъ комментариевъ—все равно мы будемъ имѣть тайную агентуру со всѣми свойствами таинственности, или явную, требующую присутствія обѣихъ договаривающихся сторонъ въ бюро, а слѣдовательно, поѣздки въ Москву. О неудобствахъ, какія приходится испытывать антрепренерамъ, взявшимъ актера по слухамъ, говорить не приходится. Зачастую актеръ или актриса, оказавшіеся не тѣмъ, что разчитывалъ въ нихъ встрѣтитъ антрепренеръ, весь сезонъ ничего не дѣлаютъ, но съ достоинствомъ получаютъ солидный окладъ и на каждомъ шагу ругаютъ злодѣя антрепренера. Но при встрѣчѣ съ г. управляющимъ,

антрепренеръ, разумѣется, не позволитъ себѣ высказать ему неудовольствіе по поводу неудачной рекомендаціи, а расшаркиваясь, въ видѣ шуточки, вскользь, развѣ, скажетъ, что такой-то оказался непригоднымъ.

Развѣ не лучше частный агентъ, избранный актерами? Передъ нимъ антрепренеру-то хоть расшаркиваться не придется. Для агента необходимо добросовѣстнымъ отношеніемъ къ договаривающимся завоевать симпатіи и довѣріе обѣихъ сторонъ, что увеличить его кліентуру.

Во всякомъ случаѣ, мы въ тупикѣ, агентство не рекомендуемое есть тайно рекомендуемое. Агентство же рекомендуемое обязано, конечно, судить не по циркулярамъ, а по живому наблюденію,—слѣдовательно, имѣть довѣренныхъ развѣздныхъ лицъ. Но если такъ, незачѣмъ совершать ежегодно паломничество въ Москву.

У одра нашей оперы.

II.

М. г., г. редакторъ, я хочу подѣлиться фактическими данными изъ своей практики. Начну съ того, что въ Вел. посту собственными ушами слышалъ въ Бюро: „г. Мандельштамъ собираетъ труппу для своего лѣтняго дѣла въ *Астрахань*“. Теперь же, по объясненію г. Мандельштама, онъ былъ только участникомъ дѣла, такимъ же, какъ и всѣ, товарищемъ. Если это и такъ, то только отчасти. Въдъ, г. Мандельштамъ, инициаторъ и организаторъ дѣла: онъ самъ набиралъ труппу и т. д. Настоящія т-ва въ томъ видѣ, какъ они понимаются большинствомъ сценическихъ дѣятелей и какъ обусловлены въ „нормальномъ договорѣ“—явленіе чрезвычайно рѣдкое. Такое т-во — *замаскированная полунантреприза*, подаваемая подъ различными соусами. Напримѣръ: какая-либо г-жа Иванова, задумавъ оперную поѣздку, приглашаетъ отъ своего имени и только по собственной инициативѣ составъ труппы, диктуетъ артистамъ, выработанныя единолично ею, условія, предлагая отъ собственного лица извѣстный размѣръ марокъ и т. д. Развѣ она не является хозяйкой дѣла? Развѣ это т-во? Предположимъ, дальше, что г-жа Иванова случайно имѣетъ собственные костюмы. Въ этомъ случаѣ она сама себя приглашаетъ давать костюмы на прокатъ и сама же опредѣляется за нихъ плату, положимъ по 20 руб. за спектакль. Если опера ѣдетъ безъ оркестра, подъ аккомпаниментъ рояля, или съ такъ называемымъ „французскимъ оркестромъ“, въ которомъ необходимо участие пианиста, а г-жа Иванова—музыкантша, то за это она назначаетъ себѣ особую, также гарантированную плату, хотя бы, въ 15 руб. за спектакль. Затѣмъ, за организацію дѣла, за административныя распоряженія и вообще за веденіе хозяйства—она назначаетъ себѣ марки въ усиленномъ размѣрѣ, т. е., если высшій окладъ 300 марокъ, то она получаетъ 800. Такимъ образомъ, г-жа Иванова, сразу дѣлается собственной властью совершенно независимой отъ т-ва и является уже не равной по условіямъ другимъ товарищамъ: она почти полная хозяйка дѣла. Дальше, по ея смѣтѣ, выработанной заранее, идутъ обязательные расходы т-ва: провозъ труппы, перевозка костюмовъ по желѣзной дорогѣ и съ вокзала въ театръ и обратно. На счетъ т-ва ѣдетъ при костюмахъ портной, или портниха, получающіе особую, гарантированную плату помѣсячно и порціонныя деньги. Какъ я уже сказалъ: г-жа Иванова приглашаетъ составъ труппы единолично, по собственному усмотрѣнію, но и дальше ведетъ дѣло самостоятельно, не совѣщаясь съ труппой, безъ всякихъ собраний. Если же собранія иногда сзываются, то развѣ затѣмъ, чтобы смирить беспокойные элементы въ труппѣ, держащіе не соглашаться съ веденіемъ дѣла. Результаты собраний всегда въ пользу г-жи Ивановой, и вотъ почему: она, составляя труппу, приглашаетъ, главнымъ образомъ, „сценическихъ младенцевъ“, жаждущихъ практики и очень быстро и умѣло приручаетъ ихъ и дѣлаетъ своими сторонниками. На собраніи т-ва, всѣ предложенія г-жи Ивановой проходятъ и утверждаются, а протестанты проваливаются, причемъ съ ними церемонятся мало: „не желаете продолжать, мы васъ не удерживаемъ—уѣзжайте!“ Мнимое т-во несетъ слѣдующіе обязательные расходы: плата за театръ, афиши, анонсы, хору, оркестру, прокатъ костюмовъ, буафорія, парикмахеръ; особая плата, или проценты со спектакля особому „передовому“, авторскія и т. д. и т. д.—все это каждый спектакль требуетъ 250—350 рублей. При сборахъ на кругъ въ 350 р.—

т-во на марки получить грошъ, а г-жа Иванова заработаетъ въ то же время очень круглую и хорошую сумму: 20 р. за костюмы, 15 р. за аккомпаниментъ уже приличная вечеровая плата, да плюс усиленная марки. Книга расходовъ у г-жи Ивановой ведется какимъ-либо близкимъ человѣкомъ, получающимъ за это рублей 50 въ мѣсяцъ, а членамъ т-ва книга эта предьявляется неохотно, чаще совсѣмъ не предьявляется. Желаніе провѣрки—внезапно дѣлаются „оскорбителями честности“ и т. д. Въ кассу, гдѣ сидитъ, *приглашенный г-жей Ивановой*, кассиръ, членамъ т-ва рекомендуется не заходить, чтобы не обидѣть честнѣйшаго человѣка и т. д.

А въ результатѣ: при полныхъ сборахъ даже т-во на марки не заработаетъ больше 50 коп. на рубль. А при плохихъ сборахъ и ничего: послѣднее бываетъ часто. При неважныхъ сборахъ, если г-жа Иванова надѣется поправить дѣла, то она, какъ добрая фея, приходитъ на помощь артистамъ, ссужая небольшой суммы „на пропитаніе“. При окончаніи дѣла, все равно, благополучно, или печально для труппы товарищей, документы т-ва не провѣряются обыкновенно при общей безпорядочности артистовъ и никогда не представляются Театральному Обществу, куда они непременно должны бы поступать съ подробнымъ отчетомъ и оправдательными росписками.

Недавно въ оперномъ дѣлѣ, похожемъ на изображенное мною, существовавшемъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, при отличныхъ сборахъ т-во заработало едва 30 к. на марку. Такой ничтожный заработокъ удивилъ всѣхъ, понимающихъ дѣло артистовъ, но какъ только кто то изъ нихъ попробовалъ заговорить о провѣркѣ книгъ, о контролѣ надъ передовыми, надъ кассиромъ—тотчасъ послѣдовалъ рядъ недоразумѣній. Обидѣлся и ухалъ кассиръ, вознегодовалъ Иванъ Ивановичъ Передовой; компанія артистовъ, близкихъ къ „хозяевамъ“, тоже возмутилась и „пошла писать“... Получилась такая каша, въ которой, повидимому, никто ничего не понималъ. Между тѣмъ, черезъ короткое время, распавшееся дѣло возобновилось при нѣсколькихъ измѣненномъ составѣ артистовъ, при другомъ передовомъ, при новомъ кассирѣ и когда труппа заѣхала въ тѣ же города, гдѣ была недавно, то начали обнаруживаться странныя вещи: владѣльцы театровъ выяснили, что прежній передовой т-ва—мошенникъ, такъ какъ надувалъ т-во, преувеличалъ сумму уплатъ за театръ, за афиши и т. д. Прежній кассиръ, оказалось, торговалъ въ кассѣ не только въ пользу т-ва, но и свою, пуская въ дѣло *двойныя книжки билетовъ* и т. п.

Мнѣ очень непріятно вдаваться въ болѣе интимныя подробности существованія нѣкоторыхъ т-въ, я бы сказала дѣль, специально эксплуататорскихъ. Подробности эти такъ некрасивы, что лучше о нихъ промолчать пока. Вотъ если организуется оперный сѣздъ, который безусловно необходимъ, то нашлсь бы много фактовъ для иллюстраціи нашихъ дѣлъ и тогда было бы возможно раскрыть нѣкоторыя язвы. У каждого изъ насъ наболѣло въ душѣ и есть отчего. Я вполне присоединяюсь къ мнѣнію автора статьи въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ, гдѣ для успѣха сѣзда нашего—онъ долженъ быть *демократическимъ*, если можно такъ сказать. Главными дѣятелями въ немъ должны быть не корифеи, не хозяева, а работники. Съ оздоровленіемъ оперной атмосферы, темнымъ дѣльцамъ придется ступеваться, а для гг. обезпеченныхъ и сытыхъ премьеровъ, удерживающихъ позиціи только при общей растерянности, могутъ наступить новые дни „переоцѣнки цѣнностей“. Будетъ сѣздъ—воскреснетъ опера—я вѣрю въ это безусловно. *Открытый артистъ.*

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— У всякаго своя судьба. Гастроли оперы Церетели въ Берлинѣ дали дефицита 40 тысячъ марокъ. Русскій посольскій исхodataйствовалъ Церетели ссуду въ 6 тыс. рублей на удовлетвореніе хористовъ и второстепенныхъ артистовъ. Не обошлось и безъ скандала. На послѣднемъ спектаклѣ („Евгеній Онѣгинъ“), въ одномъ изъ антрактовъ, музыканты оркестра заявили князю Церетели, что они уйдутъ, если имъ сейчасъ же не заплатятъ. Публика, долго ожидавшая начала акта, возмущалась и громко протестовала. Наконецъ, усовѣстили музыкантовъ, и опера дошла до конца.

Кстати, предполагавшіяся гастроли этой труппы въ Одессѣ не состоятся.

— М. Г. Савина на-дняхъ уѣзжаетъ въ Карлсбадъ.

— Директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковский ухалъ на весь іюнь мѣсяцъ въ деревню, въ свое имѣніе.

— Московское общество драматическихъ писателей, по примѣру петербургскаго Союза драм. писателей, отнынѣ представитъ своимъ членамъ, авторамъ оригинальныхъ пьесъ,

право входить въ особыя условія о постановкахъ ихъ пьесъ съ антрепренерами Кіева, Харькова и Одессы.

— Въ началѣ будущаго сезона въ Александринскомъ театрѣ пойдетъ „Мертвый городъ Д'Анунціо“, въ переводѣ И. А. Гриневской и участіемъ М. Г. Савиной. Ставитъ пьесу А. И. Долиновъ.

— По слухамъ, Л. Андреевъ закончилъ новую пьесу изъ жизни университетской молодежи.

— Жертвой оспенной эпидеміи, свирѣпствующей въ Петербургѣ и окрестностяхъ, сдѣлался К. В. Бравичъ, живущій на дачѣ близъ Перкіярви. Положеніе его очень тяжелое.

— Съ этого лѣта новые цензурные порядки для дачныхъ театровъ по линіи Финляндской ж. д. Прежде пьесы разрѣшались къ постановкѣ мѣстнымъ ленсманъ. Теперь пьесы отправляются къ Выборгскому губернатору, который, по прочтеніи, удовлетворяетъ или отклоняетъ ходатайства...

— М. Т. Строевъ получилъ монополію постановки „Короля“ Юшкевича на зимній сезонъ, въ театрѣ „Неметти“.

— Во Владивостокъ на лѣто кончили гг. Градовъ (герой-любовникъ) и М. И. Разсудовъ (комикъ). Условія очень хорошія. Кончили черезъ агентство Разсохиной, однако, а не черезъ бюро Театрального Общества.

— 5-го іюня въ театрѣ „Эдентъ“ на представленіи фееріи „Волшебная пилюля“ обрушился балконъ на сценѣ. На балконѣ тогда находились г-жа Сперанская и г. Мартини. Опустили занавѣсъ, не кончивъ картины. Артисты получили значительные ушибы, но спектакль все же закончили. Такова самоотверженность эденскихъ артистовъ, благодарныхъ своему антрепренеру за раннее открытіе спектаклей.

— На-дняхъ закончилась ревизія варшавскихъ правительственныхъ театровъ. Директоръ театровъ, г. Гиршельманъ, получаетъ отпускъ и, по слухамъ, не вернется къ своей постѣ.

— Московскій Художественный театръ застрахованъ какъ зданіе театра, такъ и все театральное имущество въ одномъ петербургскомъ страховомъ обществѣ на весьма солидную сумму. Одной лишь страховой преміи Художественному театру придется платить свыше 12-ти тысячъ въ годъ.

* * *

Московскій вѣсти.

— Сезонъ въ Маломъ театрѣ открывается пьесой „Франческа да Римини“. Репетиціи начнутся въ этомъ году ранѣе обыкновеннаго, а именно 11-го августа.

— Сейчасъ идутъ работы по возобновленію солодовниковскаго театра. Надѣются, что къ 1-му октября театръ будетъ готовъ.

— Печальный конецъ. Московскимъ коммерческимъ судомъ объявлена несостоятельной должницей московская купчиха Екатерина Кирилловна Сытова, бывшая содержательница сада и театра „Акваріумъ“. Судъ постановилъ подвергнуть ее личному задержанію.

— Новый общедоступный театръ. К. С. Станиславскій и Вл. Немировичъ-Данченко организуютъ акціонерное товарищество для постройки общедоступнаго театра. Предполагается собрать капиталъ въ 1.700.000 руб., паями отъ 100 руб. и пріобрѣсти владѣніе Ліанозова, въ Камергерскомъ переулкѣ. Здѣсь, кромѣ существующаго Художественнаго театра, и будетъ сооружено новое зданіе для общедоступнаго театра.

Въ настоящее время составляется проектъ устава товарищества.

По уставу Станиславскій и Немировичъ-Данченко должны остаться пожизненными директорами театра.

— Директоръ московской консерваторіи М. М. Ипполитовъ-Ивановъ оправился отъ постигшей его болѣзни и выѣзжаетъ въ Ростовъ-на-Дону дирижировать симфоническими концертами.

* * *

† В. В. Билибинъ. Родился въ Петербургѣ и кончилъ юридической факультетъ Спб. университета въ 1881 г. со степенью кандидата правъ.

Еще въ 1879 г., находясь на 3-мъ курсѣ, началъ помѣщать юмористическія статьи въ журналѣ „Стрекоза“ и съ тѣхъ поръ непрерывно работалъ, подъ псевдонимомъ И. Грэкъ и Дюгенъ, въ юмористическихъ журналахъ и въ газетахъ, петербургскихъ, московскихъ и провинціальныхъ. Послѣдніе годы редактировалъ журналъ „Осколки“.

Началъ писать для сцены въ 1888 году (водевилъ „Цитварный ребенокъ“, подъ псевдонимомъ В. Холостовъ). Написалъ затѣмъ слѣдующія пьесы: „Молчаніе“, „Приличія“, „Треволненія“, „Иванъ Ивановичъ виноватъ“, „Невидимая сила“, „Револьверъ“, „Блуждающая почка“, „Жить надоело“, „Роковая скамейка“, „Интересная больная“, „Похищеніе Сильфиды“, „Камера-обскура“, „Круговоротъ“, „Добродѣтельный чортъ“, „Старички“, „Драконы“, „Танцующій кавалеръ“, „На закланіе“, „Подвиги“, „Милый юноша“, „Въ руки правосудія“, „Говорящій нѣмой“, „Женщины на Марсѣ“, „Чучело“, „Изумительныя превращенія“, „Дамская болтовня“ и др.

Пьесы подписаны—нѣкоторыя настоящей фамиліей, нѣкоторыя—псевдонимомъ В. Холостовъ. Многія пьесы шли на Императорскихъ сценахъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Скончался В. В. послѣ непродолжительной болѣзни—воспаленія легкихъ, осложнившася гнойнымъ плевритомъ. В. В. Билибинъ былъ дѣятельнымъ членомъ союза драм. писателей, который, можно сказать, ему и обязанъ своимъ возникновениемъ. Въ Театр. Общ. онъ былъ долгие годы членомъ ревиз. ком. и Совѣта. Честный, прямой, трудолюбивый, онъ былъ незамѣнимымъ работникомъ во всякомъ общественномъ дѣлѣ.

* * *

† **Г. С. Лозовой.** 29-го мая с. г. въ г. Хоролѣ (Полтавской губ.) скончался въ хорольской земской больницѣ скромный труженикъ малорусской сцены, Гавриилъ Семеновичъ Лозовой. Покойный родился въ 1876 году, на сцену поступилъ въ 1897 году, служилъ въ малорусскихъ труппахъ Науменко, Ярошенко, Бродера, Свѣтлова и др., игралъ съ успѣхомъ любовниковъ и былъ всегда любимцемъ публики. Послѣ него осталась мать старуха безъ всякихъ средствъ къ жизни, такъ какъ покойный содержалъ ее своимъ трудомъ.

Товарищи-актеры! помогите бѣдной нуждающейся матери своего сотоварища по искусству. Адресъ ея слѣдующій: г. Хороль, Полтавской губ., домъ Фортуны, Татьяна Васильевна Лозовой. Актеры *Н. К. Албиковский* и *А. А. Маненкій*.

* * *

Освященіе. 2-го іюня состоялось въ Александро-Невской Лаврѣ, на Никольскомъ кладбищѣ, освященіе памятника Петра Михайловича Медвѣдева. Памятникъ исполненъ по заказу вдовы покойнаго, Софьи Павловны Медвѣдовой-Глинской, въ Меранѣ и сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора. На бѣлой мраморной колоннѣ стоитъ такой-же бѣлый бюстъ покойнаго артиста, поражающій удивительнымъ сходствомъ. Петръ Михайловичъ какъ живой глядитъ изъ своей могилы. На молебенъ и заупокойную панихиду собралась семья покойнаго (въ лицѣ вдовы и двухъ дочерей его), много друзей и нѣсколько представителей театр. міра. Присутствовали М. Г. Савина, А. Е. Молчановъ, К. К. Витарскій, В. А. Тихоновъ, И. Г. Яронъ.

Мы замѣтили, къ сожалѣнію, крупную ошибку въ надписи: на памятникѣ высѣчено: „скончался 31 января 1907 года“, тогда какъ умеръ П. М. Медвѣдевъ 30 января 1906 года въ 11 ч. 45 м. утра.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Софій**. Спектакли г. Ге продолжаютъ съ хорошимъ успѣхомъ, хотя, надо правду сказать, репертуаръ, составленный исключительно изъ устарѣвшихъ пьесъ („Кручина“, „Золотая рыбка“, „Безъ вины виноватые“, „Семья преступника“ и т. п.), не удовлетворяетъ ту именно часть болгарской публики, которая знаетъ русскій языкъ, какъ господствующій славянской. Но исполненіе труппы, судя по единодушнымъ рецензіямъ газетъ и приему публики, очень нравится. Такъ, З. В. Холмской, въ бенефисъ, былъ поднесенъ адресъ отъ болгарскихъ актеровъ, букетъ отъ русскаго посланника и др. Г. Ге въ свой бенефисъ получилъ 3 вѣнка. Отъ имени болгарскихъ артистовъ была сказана привѣтственная рѣчь, на которую г. Ге отвѣтилъ простымъ и остроумнымъ словомъ. Г. Ге въ газетахъ иначе не величаютъ, какъ „Григорій Григорьевичъ“. На 2 спектакля труппа ѣздила въ Филиппополь, а 5-го выѣзжаетъ въ Бѣлградъ. Спектакли начались нѣсколько позднѣе, какъ по болѣзни антрепренера г. Ге, такъ и вслѣдствіе трагикомическаго происшествія на границѣ въ Русукѣ, гдѣ актеровъ задержали якобы въ виду свирѣпствующей въ Россіи холеры. Пришло телеграфировать русскому посланнику. При всѣхъ недочетахъ дѣла, за г. Ге останется, безспорно, крупная заслуга—быть пионеромъ русскаго театра въ славянскихъ земляхъ. Г. Ге рискнулъ на предпріятіе безъ всякой поддержки и субсидій,—и честь инициативы всецѣло принадлежитъ ему.

Дальнѣйшій маршрутъ еще не опредѣленъ въ точности. Возможно, что въ виду запозданія спектаклей, предложенныя гастроли въ Прагѣ не состоятся.

* * *

„Буффъ“. Гг. Левъ Ивановъ и Юліусъ Генсонъ объявились теперь въ „Буффъ“ съ новой опереткой-пародіей „Потонувшій колоколъ“. На „Потонувшій колоколъ“ Гауптмана написать пародію не легко. Но если написать пародію такъ, какъ понимаетъ г. Левъ Ивановъ, т. е. бѣлыми нитками пришить названіе популярнаго произведенія къ ничему съ нимъ общаго не имѣющему и органически съ нимъ не связанному произведенію собственного сочиненія, то, понятно, вопросъ разрѣшается весьма просто.

„Пусть Гауптманъ говоритъ свое,

А я то знаю, въ чемъ тутъ дѣло“.

Куплеты, исполняемые литейщикомъ Генрихомъ и вполне опредѣляющіе точку зрѣнія г. Льва Иванова.

Въ дремучемъ лѣсу на попеченіи старухи Виттихи живетъ красавица Раутенделейнъ, которая по достиженіи 17 лѣтъ получаетъ по завѣщанію огромное наследство. Въ этомъ же лѣсу, скрываясь отъ кредиторовъ, поселились графъ фонъ-Финкельштейнъ и баронъ фонъ-Штейнфинкель, преобразившіеся—одинъ въ лѣшаго, другой—въ водяного.

Всѣ они слѣдятъ за Раутенделейнъ, боясь, какъ бы не

К. Галковский.

Авторъ оперы „Цыгане“, окончившій въ этомъ году Спб. Консерваторію съ золотой медалью по классу композиціи.

ускользнуло ея богатство. Появляется литейщикъ Генрихъ и увлекаетъ Раутенделейнъ. Она поступаетъ въ домъ Генриха въ качествѣ служанки. Въ это время въ домъ Генриха случайно останавливаются двѣ „горизонталки“—Барбишъ и Нишишъ. Онѣ-то быстро раскрываютъ тайну и даютъ Раутенделейнъ нѣсколько хорошихъ уроковъ. Генрихъ больше ее не удовлетворяетъ—она пускается въ широкое море жизни. Комедія кончилась. Лѣшій и водяной появляются во фракахъ и цилиндрахъ. „Горизонталки“ узнаютъ въ нихъ своихъ прежнихъ обожателей и желая къ приобѣтленнымъ не легкими трудами капиталамъ прибавить и титулъ, выходятъ замужъ за графа и барона.

Причемъ тутъ Гауптманъ? „Въ огородѣ бузина, въ Кіевѣ дядька“... Оставимъ Гауптмана въ покоѣ, а про г. Льва Иванова скажемъ, что онъ написалъ тягучую и не остроумную вещь. А композиторъ г. Юліусъ Генсонъ, разсудивъ правильно, что Гауптманъ тутъ ни при чемъ, такъ „заканкарировалъ“, что окончательно разсѣлъ недоумѣніе у тѣхъ немногихъ, которые все еще пытались установить взаимоотношеніе.

И тѣмъ не менѣе оперетку стоитъ посмотрѣть, какъ все, что ставится въ „Буффъ“. Постановка, костюмы, хоръ, балетъ и общій ансамбль прекрасны. Мало благодарныя роли у г-жи Варламовой и гг. Полонскаго и Бураковскаго. Имъ больше приходится резонерствовать, чѣмъ комиковать. Но, талантливые актеры, они и тугъ были очень хороши. Съ обычнымъ тонкимъ комизмомъ играетъ г. Монаховъ (Генрихъ). Миловидная Раутенделейнъ г-жа Шувалова, но игра ея отличается однообразиемъ. Въ роляхъ „горизонталокъ“, которымъ приходится больше всего танцевать, хороши г-жи Капланъ и Дмитріева. Г-жѣ Капланъ посоветуемъ избавиться отъ однообразнаго и нѣсколько надоедливаго смѣха, которымъ артистка замѣняетъ игру. Въ г-жѣ Дмитріевой пріятна ея своеобразная миловидность. Она танцуетъ и продѣлываетъ самую рискованную „па“ съ такой милой скромностью во взглядѣ и въ движеніяхъ, что ея танцы пріобрѣтаютъ особую прелесть. Не дурны гг. Токарскій, Коржевскій и Радомскій.

О. К.

* * *

Крестовскій садъ. На сценѣ Малаго театра по прежнему продолжаетъ быть гвоздемъ сезона „Пари проиграно“. Изъ новинокъ прошли „День деньщика Душкина“ въ 2 д. и „Полтавскій (сибирскій) дядюшка“ въ 3 д. Наибольшій успѣхъ въ послѣднемъ выпалъ на долю Разсудова-Кулябко (дядя), Литвинова (Анатолій), Ильиной-Петросіанъ (Наталія Викторовна). Въ Большомъ театрѣ, изъ новаго транспорта иностранныхъ знаменитостей, выдѣляются Клара Форансъ, имитаторша Режанъ и др. извѣстныхъ артистокъ, босоножки Яти-индра и гасконскіе кадеты. По прежнему пользуются успѣхомъ японцы Намба и Н. Дулькевичъ.

Сл.

* * *

Театръ „Эдзень“. Сѣдой, какъ древность, благородный, но увылъ далеко непопулярный „Царь Митридатъ“ сошелъ со сцены Эдзенаго театра, чтобы уступить мѣсто болѣе живой и доступной пьесѣ. 30 мая здѣсь была поставлена впервые хорошо забытая публикой фантастическая буффонада „Волшебныя пилюли“. Кто проглотитъ одну изъ такихъ пилюль, тотъ можетъ требовать все, что ему захочется. Какъ-бы не были

утоличны его мечтанія,—они осуществятся. Въ свое время эта наивная, хотя и не лишняя мѣстами юмора, феерія игралась съ успѣхомъ по всѣмъ городамъ и всякъ обширной Руси. „Аптекарь, или что въ ротъ—то спасибо“, „Пчки! Вотъ такъ табакъ“, „Хоть злое, но красивое“ и т. д.

Непрестанная смѣна декораций, ежесекундныя превращенія, 11 самыхъ краснорѣчивыхъ и волшебныхъ картинъ, цѣлая ватага, правда еще маленькихъ, но уже достаточно страшныхъ чертенятъ, вѣдма, говорящая мистическимъ басомъ, летающія скамейки и пр. и пр. Какой, можно сказать, рядъ удовольствій.

Въ промежуткахъ между превращеніями артисты забавляли внимательныхъ зрителей непритязательными остротами и злободневными куллетами, гдѣ почему-то городская дума ривовалась съ вольнодумствомъ...

Вообще простенькая буффонада, мнѣ кажется, ничего не потеряла-бы отъ скромнаго нейтралитета русскаго либреттиста-переводчика, которому, кстати сказать, не мѣшало-бы еще поучиться грамматикѣ.

Просто и легко, какъ сама пьеса, играли исполнители. Смѣшонъ былъ въ своемъ траги-комическомъ положеніи стараго упряма-отца г. Шухминъ. „Не мудрствуя лукаво“ играла г-жа Сперанская Элеонору. Эффектенъ г. Маргини въ роли феерическаго героя. Яркій и цѣльный образъ каррикатурнаго вельможи Животино далъ г. Орловъ. Красивая фея г-жа Рене. Живо и интересно ведетъ свою роль трафаретнаго простачка слуги г. Шатовъ.

Феерія имѣла, повидимому, успѣхъ: взрослые загадочно улыбались, а дѣти сидѣли, затанъвъ дыханіе. *Сергій Т—овъ.*

* * *

Концерты на Строительной выставкѣ изъ малаго зала перенесены теперь въ новый, со вкусомъ отдѣланный большой залъ на Каменномъ островѣ. Не смотря на оригинальное расположеніе оркестра въ углу четырехугольника, акустика зала вполне хороша. Программы концертовъ стали содержательнѣе и привлекаютъ больше слушателей. Интересными вчерашними явились 2 послѣднихъ, изъ которыхъ одинъ былъ посвященъ Вагнеру, другой—Глазунову. Вагнеровскій концертъ совмѣщаль въ себѣ выдающіеся симфоническіе отрывки изъ его музыкальныхъ драмъ, удачно проведенные г. Владиміровымъ. Съ успѣхомъ въ немъ выступила г-жа Козаковская, залушевно спѣвъ арію изъ „Лоэнгина“.

На глазуновскомъ вечерѣ дирижировалъ самъ авторъ, сосредоточившій на себѣ всеобщее вниманіе. Начавъ съ популярной и самой распространенной 5 симфоніи, композиторъ познакомилъ публику со своей малоизвѣстной, но прекрасно сдѣланной увертюрой „Пѣсней судьбы“. Основнымъ мотивомъ, взятымъ изъ 5 симфоніи Бетховена и извѣстнымъ подъ названіемъ темы судьбы, воспользовался талантливый авторъ, чтобы дать картину собственныхъ меланхолическихъ настроеній, группирующихся вокругъ этой яркой выпуклой простой фразы. Здѣсь драматизмъ Бетховенской темы не развивается, а скорѣе контрастируетъ съ творчествомъ лирическаго автора. Солистомъ вечера явился недавно окончившій консерваторію Реентовичъ, сыгравъ А-молл'ный скрипичный концертъ. Virtuозъ зарекомендовалъ себя съ хорошей стороны въ смыслѣ вкуса и достаточно развитой техники; тонъ его смычка немного слабъ. Пожелаемъ ему большаго развитія его артистическихъ силъ, еще не развернувшихся вполне до художественной свободы владѣнія инструментомъ. Третье отдѣленіе концерта проведено было авторомъ съ большимъ подъемомъ дирижерскаго темперамента. Концертная увертюра, а въ особенности излюбленные публикой отрывки изъ „Раймонды“ (разъ есрадно! пришлось повторить), разогрѣли публику, тепло и долго награждавшую аплодисментами уважаемаго композитора.

В. С.

* * *

Дачные театры.

Станція Поповна. Ник. жел. дор. „Ель, сосна, да мохъ сѣдой“... И совсѣмъ неожиданно вы попадаете въ театръ—въ хорошій, просторный театръ. Но все еще не можете отрѣшиться отъ укоренившагося убѣжденія, что вы въ одномъ изъ тѣхъ безконечно-могочисленныхъ „лѣтнихъ театровъ“, въ которыхъ бездарные любители кормятъ дачниковъ бездарными спектаклями. Дачники неприхотливы, вѣроятно потому что—не съ чего, такъ съ бубенъ.

Театръ въ п. Подобѣдовка—счастливое исключеніе, подтверждающее общее правило... Во главѣ его стоитъ Н. А. Поповъ—бывшій режиссеръ петерб. Василеостровскаго театра. Въ составъ труппы вошли: г-жи Ведринская, Козловская-Шмитова, Мусина, Борская (изъ харьк. гор. театра), Каменева (быв. артистка театра Коммисаржевской), Корсакова, Горичъ, Биренсъ, Клаповская, гг. Мамонтовъ, Дагмаровъ, Лачиновъ, Лучининъ и др. Кромѣ сыгранныхъ уже въ этомъ сезонѣ пьесъ: „Школьные товарищи“, „Нравственность г-жи Дульской“ и „Среди цвѣтовъ“, въ ближайшемъ будущемъ готовятся къ постановкѣ: „Тривіальная комедія для серьезныхъ людей“ Оск. Уайльда, „Жоржъ Данденъ“ Мольера,

„Двѣнадцатая ночь“ Шекспира, „Ольгинъ день“ Бѣжецкаго и переводная новинка—„2 X 2 = 5“.

Былъ чудный вечеръ; розовые лепестки цвѣтущей яблони тихо о чемъ-то шептались съ только что распустившеюся свѣжей сиренью, и такъ хорошо было среди цвѣтовъ и вешнихъ ароматовъ, такое веселое и доброе было у всѣхъ настроеніе... Въ этотъ вечеръ шла пьеса „Среди цвѣтовъ“; и съ перваго мгновенія, какъ только взвился занавѣсъ и до самаго конца спектакля зрители, съ неослабнымъ вниманіемъ и треволгой слѣдили за нарастаемъ драматическихъ аккордовъ... Г-жа Ведринская прекрасная Тэа. Артистка имѣла успѣхъ, шумный, заслуженный успѣхъ; публика поняла ее, понявъ—сцѣнила. Г-жа Каменева играла Рафаэлу обдуманно, тонко трактуя роль. Г. Мамонтовъ—выдержанный графъ Шпернеръ. И вся постановка, весь ансамбль были такъ далеки отъ дачныхъ антрепризъ и лѣтнихъ губительскихъ развлеченій...

Такъ хорошо было въ этотъ вечеръ „среди цвѣтовъ“ и вешнихъ ароматовъ.

Юрисъ Бразоль.

Ораніенбаумъ. „Жанина“—одна изъ тѣхъ пьесъ, которымъ посчастливилось на русской сценѣ не по заслугамъ. Если не ошибаюсь, четвертый сезонъ съ легкой руки Александринскаго театра ее играютъ и переигрываютъ на петербургскихъ и провинціальныхъ сценахъ и наша „истинно-театральная“ публика, та, что дѣлаетъ сборы, безъ конца можетъ любоваться этой стряпней современнаго французскаго изготовленія. Въ ней на лицо всѣ элементы ходовой пьесы: аристократы не ниже герцоговъ, маркизовъ, виконтовъ, счетъ денегъ не меньше, какъ на миллионы, эффектная страсть съ красивыми позами—и ко всему этому комическій элементъ—въ лицѣ капиталистовъ-евреевъ, говорящихъ чуть ли не на жаргонѣ. И пусть французскихъ маркизовъ играютъ актеры съ манерами апраксинскихъ приказчиковъ въ смокингахъ съ чужого плеча, пусть во дворцѣ миллионера на низенькомъ оконцѣ виситъ дешвая кисея на орѣвовомъ карнизѣ—что за бѣда—пьеса сдѣлаетъ сборы. Такъ бываетъ, такъ и было въ ораніенбаумскомъ театрѣ, въ воскресенье, 1 июня. Жанину играла г-жа Тираспольская. Это актриса комедійная—и въ первыхъ актахъ, гдѣ подъ легкимъ поверхностнымъ остроуміемъ скрыты и страсть, и душевныя страданія этой истинной дочери промотавшагося аристократа, продающей себя ненавидимому богачу-еврею, г-жа Тираспольская была вполне на мѣстѣ. Но дальше—въ сценахъ Шеранса и съ мужемъ въ послѣднемъ актѣ оказалось отсутствіе драматическаго темперамента и подмѣнить ее полустрическимъ смѣшкомъ (г-жа Тираспольская, вообще, злоупотребляетъ смѣшомъ) и развинченными движеніями—не удалось. Г. Рудинъ не далъ своего толкованія Натана Штрмана и мѣстами чувствовалось явное подражаніе первому и лучшему исполнителю этой роли—г. Дарскому. Съ большою выдержкой и безъ малѣйшаго шаржа играли г. Степановъ и г-жа Чижевская стариковъ Штрмановъ, въ особенности, первый. Артистъ харьковскаго театра г. Градовъ (Шерансъ) выгодно выдѣлялся отъ прочей компании славныхъ аристократовъ приказничьяго клуба умнѣемъ прекрасно держаться на сценѣ и по вѣншему виду вполне походить на француза. Исполненіе роли сдержанное и нѣсколько резонерскаго оттѣнка.

М. В.

Ст. Александровна, Варш. ж. д. 1-го июня для открытія сезона была поставлена 4-хъ актная драма Анны Саксаганской „Внѣ закона“. Это очень юное произведеніе. Въ самомъ развитіи драмы, инсценировкѣ и діалогѣхъ есть много наивнаго, много чисто-техническихъ погрѣшностей, но отъ нихъ авторъ конечно со временемъ избавится. Важно, что общее впечатленіе отъ пьесы благоприятное. Чувствуется подъемъ и розмахъ, съжатый неуверенностью въ себя писателя. Тема не нова, но развитіе самой драмы интересно и мѣстами захватываетъ зрителей. Къ сожалѣнію спектакль былъ обставленъ очень скудно. Приятное исключеніе—молодая способная артистка г-жа Самсонова. Въ ея исполненіи замѣтна свѣжесть, чутье и темпераментъ. Въ антрактахъ игралъ полный оркестръ любителей (юноши и дѣти) мандолинистовъ и балалаечниковъ подъ дирижерствомъ несомнѣнно талантливаго г. Александрова. Играли стройно. Антреприза здѣсь г-жи Яблочкойной.

Стрѣльчинскій театръ. Репертуаръ здѣсь составляется дирекціей П. М. Арнольди съ большимъ разнообразіемъ. Послѣ „Короля“ въ два праздничныхъ дня поставлены „Татьяна Рѣпина“ и „Воровка дѣтей“. Въ первой пьесѣ темпераментъ выказала г-жа Арнольди въ заглавной роли. Вторая пьеса исполнителями удачно выдержана въ простодушно трагическихъ тонахъ мелодрамы, и нѣтъ ничего удивительнаго, что наивно настроенная, нѣсколько своеобразная, праздничная аудитория отнеслась съ большимъ интересомъ къ злоключеніямъ проданной и подмѣненной дѣвушки. Среди хорошаго ансамбля выдѣлились г-жа Палина и г. Снѣжинъ.

Х.

Ноломоя. 8-го июня, въ воскресенье идутъ „Черные вороны“ Протопопова.

Теріени. Въ воскресенье, 1-го июня собрали полный сборъ „Черные вороны“ Протопопова. 8-го июня начнутся спектакли подъ управленіемъ г-жи Дагмаръ, представлена будетъ комедія въ 3 д. „2 X 2 = 5“. Дальнѣйшій репертуаръ: 14—„Воръ Бернштейна“ и 15—„Король“ Юшкевича.

Райволо. Въ субботу, 7-го июня представлено будетъ „Фимка“ Трахтенберга съ Е. Глѣбовой въ заглавной роли.

Таицы. 8 го июня, въ воскресенье, представлено будетъ „Казнь“ др. въ 5 д. Гр. Ге, Ставить г. Гришинъ.

Колпино. (Садъ при ижорскихъ заводахъ). 1-го июня состоялось открытіе. Устроено былъ дѣтскій праздникъ съ дивертисментомъ для дѣтей и представлены подъ управленіемъ Н. С. Арскаго „Семнадцатилѣтніе“ др. въ 4 д. М. Дрейера, а въ понедѣльникъ 2-го „Изумительныя превращенія“ въ 3 д. Билибина.

Всеволожская (по Ирин. ж. д.) Въ воскресенье 1-го июня данъ былъ фарсъ въ 3 д. „Въ руки правосудія“ и вдовиль съ пѣніемъ „Женское любопытство“ въ 2 д. Сборъ хороший.

Ст. Оллила и Куокала. Въ воскресенье 1-го на ст. Оллила и 2-го июня въ театрѣ Куокала даны были „Черные вороны“ при полныхъ сборахъ.

Письма въ редакцію.

М. г. Въ № 22 Вашего уважаемаго журнала уполном. сов. имп. русск. театр. о-ва г. Богословскій проситъ разъяснить поступокъ г. Дислера-Эльскаго.

Считаю долгомъ отвѣтить, что въ Тюмень отъ себя никого не посылалъ, подобныя уполномоч. никому не поручалъ и Дислеръ-Эльскій слушавшимъ не состоитъ у меня.

Москва.

4 июня 1908 г.

М. г. Въ интересахъ выясненія истины не откажите дать мѣсто нижеслѣдующимъ строкамъ въ отвѣтъ на помѣщенное въ № 20 мѣ „Театра и Искусства“ письмо актера Гогина.

„Г-жа Вауэръ,—заявляетъ Гогинъ,—хорошо знала какой я актеръ“. Это совершенно вѣрно.

Со второй недѣли Великаго поста я предприняла поѣздку по Терской и Дагестанской областямъ съ труппой, состоящей изъ любителей и второстепенныхъ персонажей труппы П. П. Медвѣдева и здѣсь я сдѣлала первую непростительную для себя ошибку, уступивъ просьбамъ Гогина принять его въ труппу. Узнавъ о моемъ намѣреніи положить основаніе лѣтнему дѣлу, Гогинъ снова сталъ осаждать меня просьбами дать ему мѣсто въ труппѣ.

Ясно, могла ли я, не желая сознательно губить дѣло, обѣщать ему мѣсто сколько-нибудь бросающееся въ глаза публикѣ.

На шестой недѣлѣ поста, снявъ театръ, я телеграфировала объ этомъ Гогину въ Москву, прося сообщить есть ли въ бюро хорошіе артисты и въ то же время, письмомъ поручила своему брату К. Ф. Вауэръ составить труппу на точномъ основаніи данной ему инструкціи. Въ этой инструкціи было между прочимъ указано, что Гогинъ можетъ быть принятъ на жалованье въ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ на комедійныя роли.

Если г. Гогинъ только что упомянутую мою телеграмму истолковалъ какъ полномочіе составить труппу и возложилъ на себя обязанности организатора, то въ этомъ виновата не я. Получивъ отъ него телеграмму объ окончаніи сдѣлокъ съ нѣкоторыми изъ артистовъ и высылкѣ ему довѣренности и желая выяснить недоразумѣніе, я телеграфировала ему: „ждите письма“. Письмо было отправлено на имя брата, которому я тогда же выдала формальную довѣренность и перевела деньги на выдачу авансовъ. Въ это же время братъ мой предложилъ г. Гогину подписать договоръ на условіяхъ, указанныхъ въ инструкціи, но Гогинъ отъ этого отказался, находя условія для себя непріемлемыми, однако авансъ попросилъ. Будучи увѣрена, что Гогинъ подписалъ съ братомъ договоръ и выѣздъ его во Владикавказъ задерживается отсутствіемъ денегъ, я по телеграфу перевела 30 рублей и тогда Гогинъ на имя артиста Муравлева телеграфировалъ: „вышлите сорокъ“. Считаю, что 30 руб. на поѣздъ изъ Москвы достаточно, я отвѣтила: „перевела“.

Этимъ закончились мои сношенія съ г. Гогинимъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ назвать проявленное Гогинимъ въ его письмѣ желаніе копаться въ моей личной жизни, я предоставляю средѣ артистовъ, къ которой апеллируетъ Гогинъ, рѣшить, кто правъ и кто виноватъ.

Софія Вауэръ.

М. г.! Позвольте на страницахъ Вашего уважаемаго журнала разсказать о неимовѣрныхъ страданіяхъ и униженіяхъ, которымъ подверглась цѣлая труппа драматическихъ актеровъ, благодаря авантюрѣ небезызвѣстнаго въ театральномъ мѣрѣ артиста Сергѣя Викторовича Ланскаго. Этого актеръ, 17 лѣтъ проведшій на русской сценѣ, всегда кичившійся своей интеллигентностью, своимъ „дворянскимъ“ происхожденіемъ и на каждомъ шагу кричавшій о томъ, что онъ братъ знаменитаго Дальскаго, довель труппу, состоящую преимуще-

ственно изъ молодыхъ интеллигентныхъ людей до полнаго отчаянія, бросивъ ихъ на произволъ судьбы въ какомъ-то медвѣжьемъ углу Полтавской губ. Приступая къ разоблаченію авантюры г. Ланскаго, я постараюсь не пропустить ни одного яркаго факта. Постомъ въ театральномъ бюро, въ Москвѣ, г. Ланской началъ собирать труппу для гастрольной поѣздки по Россіи и Кавказу. Репертуаръ былъ намѣченъ всего изъ 5 пьесъ: „Казнь“, „Трильби“, „Кинъ“, „Освобожденіе Человѣка“ и „Газавать“ („За свободу“). Последняя пьеса—собственное произведеніе г. Ланскаго. Труппа была собрана, частью въ Москвѣ, а частью въ Баку, гдѣ г. Л. самъ служилъ въ истекшемъ сезонѣ. Хотя авансъ былъ выданъ въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, тѣмъ не менѣе это обстоятельство не давало повода къ тревожнымъ опасеніямъ, тѣмъ болѣе, что г. Л. увѣрилъ всѣхъ, что полностью авансъ будетъ выданъ немедленно по прибытіи труппы на мѣсто. Начались спектакли въ Кременчугѣ, съ пасхи (14-го апрѣля). Не буду говорить объ анархіи въ репетиціяхъ, изъ-за чего четыре рядовыхъ спектакля были сыграны кое-какъ, такъ какъ шли съ двухъ и даже съ одной репетиціи („Освобожденіе Человѣка“), а перехожу къ самому существенному. Общанный авансъ (въ размѣрѣ половиннаго жалованья) выданъ не былъ, только наканунѣ пасхи нѣсколькимъ актерамъ было выдано отъ 3 до 10 руб. Такое начало уже не предвѣщало ничего хорошаго. И вотъ, передъ отъѣздомъ изъ Кременчуга въ слѣдующій городъ (Полтава), разыгралась первая часть „трагедіи“. Пригласивъ къ себѣ въ номеръ нѣкоторыхъ изъ труппы, г. Л. объявилъ, что черезъ день объявленъ спектакль въ Полтавѣ, играть нужно, а денегъ едва хватаетъ на дорогу. Актерамъ предоставляется по ихъ усмотрѣнію расплачиваться въ гостинницахъ—деньгами ли, если таковыя у кого-либо имѣются, вещами ли—это безразлично. „Въхатъ нужно.—А лучше всего—добавилъ г. Л.,—выдайте расписки на слѣдующую съ васъ сумму и уѣзжайте“. Когда я категорически заявилъ, что не двинусь съ мѣста, пока не расплачусь за квартиру, г. Ланской сталъ убѣждать меня оставить въ покоѣ громкія слова. „Что вамъ мнѣніе какого-то кременчугскаго квартирохозяина“—звѣтиль онъ. Естественно, что предъ такой логикой оставалось только замолкнуть. Черезъ нѣкоторое время г. Ланской вручилъ мнѣ ту сумму, которая необходима была мнѣ для расплаты. На вокзалѣ я узналъ, что часть актеровъ уѣхала изъ гостинницъ, не заплативъ ни копѣйки, но зато разыгрался грандіозный скандалъ, другая часть поплатилась собственными вещами: кто драгоценностями, а кто и носильнымъ платьемъ. А гастролеръ Ланской въ это время сидѣлъ въ буфетѣ 1-го класса и попилъ кофе...

Между тѣмъ, за 4 спектакля въ Кременчугѣ было взято около 700 рублей, актеры, какъ я уже сказалъ, получили гроши, расходы по спектаклямъ, даже вмѣстѣ съ предварительными, составили не болѣе 50% валового сбора. Куда же деньги ушли? Когда я весьма осторожно указалъ на это обстоятельство г. Ланскому, послѣдній, нисколько не обинюясь, отвѣтилъ, что ему необходимъ дорогой „образъ жизни“ для представительства и импонированія!

Въ поѣздѣ разыгралась другая позорная сцена, при воспоминаніи о которой волосъ встаетъ дыбомъ. Не успѣли мы проѣхать и двухъ станцій, какъ явившійся контроль потребовалъ удаленія четырехъ актеровъ, ѣдущихъ зайцами. Поднялся скандалъ, никто изъ актеровъ не хотѣлъ сходить, кричали, бранились, называли Ланского, который обязанъ былъ взять для нихъ билеты, кондуктора просили не задерживать поѣзда и, наконецъ, послѣ упорной борьбы, четыре актера были высажены 2 жандармами... И вотъ, въ XX вѣкѣ, четыре русскихъ актера уподобились первобытнымъ, отечественнымъ Аркашкамъ и 22 версты шли по шпаламъ, и лишь на слѣдующей большой станціи „Кобеляки“, благодаря любезности начальника станціи, они были отправлены 4 классомъ въ Полтаву... А гастролеръ Ланской въ это время сидѣлъ въ купѣ II класса и притворился ничего не знающимъ, ничего не понимающимъ...

Между тѣмъ, лакей г. Ланского преспокойно и никѣмъ не тревожимый, въ томъ же поѣздѣ доѣхалъ до Полтавы. За него г. Ланской уплатилъ... Въ Полтавѣ спектакли не состоялись. Первый—потому что нельзя было играть безъ четырехъ актеровъ, (они приѣхали въ Полтаву поздно ночью, въ день спектакля), а за устройство второго потребовали деньги впередъ за театръ, которыхъ у г. Ланскаго не оказалось. Все это, однако, не помѣшало г. Ланскому занять лучшій въ гостинницѣ номеръ. Послѣ этого ни у кого, кажется, не оставалось сомнѣнія, что г. Ланской и впредь будетъ „импонировать“ и „представительствовать“... Атмосфера сгустилась... И скандалъ разыгрался...

Въ Полтавѣ пришлось голодать, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Кто не былъ зараженъ предрасудками и имѣлъ что продавать и закладывать—тотъ еще питался, но другіе плакали и говорили, что лучше умереть съ голода, но не пойдутъ по городу продавать вещи. И я знаю такихъ, которые голодали, гордо голодали. Черезъ 4 дня позора и страданій болѣе рѣшительные отправились къ губернатору,

рассказали ему повѣсть своихъ страданій и заявили, что г. Ланской морить ихъ голодомъ. Ихъ накормили и выдали бесплатные, до Кіева, билеты (г-жа Р. и гг. Г. и Л.). Въ то же время ухалъ и актеръ Миловидовъ, распродавъ нѣкоторыя свои вещи... И все-таки большая часть труппы оставалась вѣрна г. Ланскому: нѣкоторые потому, что имъ некуда было дѣться, а другіе потому, что все еще довѣряли доводамъ и просьбамъ г. Ланского. Г. Ланской показывалъ какіе-то миѣніе отчеты и увѣрялъ, что онъ потерялъ на этомъ дѣлѣ около 1,000 руб. Въ Кременчугѣ сборы были настолько приличны, что даже при самыхъ широкихъ расходахъ, должна была получиться прибыль. Я это утверждаю съ всею силой моего глубокаго убѣжденія. Да, наконецъ, если-бъ сборы были и плохи,—гдѣ-жъ это видано и слыхано, чтобы въ первомъ-же городѣ, на первыхъ-же порахъ существованія антрепризы у предпринимателя не оказалось денегъ не только, чтобы выдать труппѣ слѣдующій ей авансъ, — гдѣ ужъ тутъ, — а хотя бы необходимыхъ только на уплату за квартиры и столъ? Впрочемъ, г. Ланской досталъ дѣйствительно для дѣла свыше 800 руб., чему живое доказательство было въ лицѣ кассира и контролера, давшихъ эти деньги. Но гдѣ-же деньги?

Наконецъ, какими-то судьбами, нужная деньги нашлись и изъ Полтавы переѣхали въ Константиноградъ. Здѣсь дѣла пошли недурно, т. е., настолько недурно, что на столъ и квартиры могло бы хватить. (Послѣ полтавской голодовки — многие считали за счастье имѣть хоть столъ и квартиру и о слѣдующемъ за 1/2 мѣсяца жалованья и не мечтали). Но труппа все же продолжала жить впроголодь, такъ какъ денегъ г. Ланской не выдавалъ. Еще двѣ актрисы (г-жи Востокова и Теръ-Огоньянъ), какъ только представился случай, сбѣжали, распродавъ кое-что изъ своего гардероба. Г. Ланской же и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ доказывалъ, что у актеровъ нѣтъ таланта, нѣтъ генія, нѣтъ изворотливости. Обладая они всѣми этими качествами, они бы не шли пѣшкомъ. А актеры молчали... Почему — не спрашивайте! Очевидно, русский актеръ продолжаетъ еще быть, къ великому стыду, рабски забитымъ. А главное — шкурный вопросъ. Какъ протестовать маленькому актеру, когда въ перспективѣ всѣ ужасы голодной смерти. Хотя и здѣсь было не лучше, но былъ хоть призракъ какого-то дѣла, около котораго была надежда хоть съ грѣхомъ пополамъ прокормиться. Передовому и администратору г. Ланской ставилъ на видъ, что онъ не обладаетъ талантомъ извѣстнаго въ театральномъ мѣрѣ „мага и волшебника“ Шильдрета, который умудрялся превращать костюмы и платья въ булжники, а эти послѣдніе въ деньги; контролера и кассира бранилъ за то, что тѣ не хотѣли дать еще денегъ. Однимъ словомъ, винилъ весь мѣръ.

Дни шли за днями, спектакли прекратились, сборы шли на нѣтъ, по городу стали распространяться некресивые слухи. Актеры все голодали. Вотъ, на примѣръ, случай, свидѣтелемъ котораго я самъ былъ. Двѣ актрисы прислали г. Ланскому письма, въ которыхъ просили рубль на обѣдъ, такъ какъ цѣлый день онъ во рту ничего не имѣли (было 8 час. веч.). Г. Ланской только что вернулся съ пріятельскаго обѣда и былъ въ самомъ лучшемъ „настроеніи“. Вынувъ двѣ 3 рублевки, онъ посылаетъ за водкой и пивомъ, а оставшіяся полтинники отсылаетъ... голоднымъ актрисамъ...

Въ одинъ прекрасный день г. Ланской собралъ всю труппу и повелъ весьма обстоятельную рѣчь о необходимости выбраться изъ этой ямы въ большой городъ, а оттуда на Кавказъ, гдѣ съ пьесой „Газавать“ труппа будетъ загребать груды золота. Но для этого ему необходимо ѣхать въ Екатеринославъ, гдѣ онъ достанетъ денегъ на подъемъ. „Вѣдь нужно же, наконецъ, выбраться на вольный воздухъ, къ большому городу и взятыя за дѣло, за настоящее дѣло!“ — патетически воскликнулъ г. Ланской. Вся труппа прекрасно чувствовала эту необходимость выбраться на вольный воздухъ, но въ то же время почти всѣ прекрасно понимали, что наступаютъ роковыя конецъ и г. Ланской собирается дать тягу.

Большинство однако сдѣлало видъ (должно было сдѣлать — вѣдь другого исхода не было, не хватать же его за фалды), что вѣритъ всѣмъ красивымъ словамъ и увѣреніямъ г. Ланского и отпустило его съ Богомъ въ Екатеринославъ... доставать денегъ... Это было 10 мая. Черезъ два дня г. Ланской, согласно обѣщанію, прислалъ на мое имя слѣдующую телеграмму: „Дѣло налаживается, ѣду, Харьковъ, ждите четвергъ“. Въ четвергъ ничего не дождалось. Въ субботу я получилъ письмо отъ актера Девятова, сопровождавшаго г. Ланского и поѣхавшаго добывать вмѣстѣ съ нимъ денегъ. Въ письмѣ своемъ г. Девятовъ проситъ труппу вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ Ланской ухалъ въ Харьковъ добывать денегъ. Г. Ланской, кромѣ долга къ гостиницѣ, не оставилъ ни одной копѣйки и даже небольшой остатокъ съ послѣдняго спектакля забралъ себѣ. Я и еще два-три актера терпѣли, но желудки остальныхъ не пожелали терпѣть. И началась унизительная и позорная для актеровъ „жалостливость“ со стороны обывателей. Кончилось тѣмъ, что въ городѣ стали собирать на выѣздъ актерамъ. Двое, фамилии которыхъ я не уполномоченъ называть, воспользовались этими деньгами и ухали, а остальные продолжаютъ бороться, ждуть г. Ланского

и... опорожнять и безъ того свой скудный багажъ... Прошло уже больше 2 недѣль со дня отъѣзда г. Ланского и кромѣ вышеупомянутой телеграммы отъ него, больше ни одной строки не получено, гдѣ онъ и что съ нимъ неизвѣстно. А потому, я полагаю, что этого времени вполне достаточно, чтобы съ спокойной совѣстью поставить крестъ и на г. Ланскомъ и на его „дѣлѣ“. Также полагаю, что вполне достаточно рассказалъ о похожденияхъ гастролера Ланского, настолько достаточно, для того, чтобы честные товарищи-актеры знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Артистъ Петръ Осиповичъ *Медведевъ*.

Вполнѣ подтверждая все изложенное въ письмѣ г. Медведева, свидѣтельствуемъ это своими подписями *Ю. Штатова, А. И. Стыжкова, В. Ладоминъ*.

Р. С. Отсутствие многихъ подписей объясняется тѣмъ, что это письмо было написано, когда большинство актеровъ разбѣжалось, но я убѣжденъ, что всѣ мои товарищи по несчастью не откажутся выразить свою солидарность съ этимъ письмомъ. *П. М.*

Малехкая хрочика.

*** Изъ интервью сотрудника „Одесск. Нов.“ съ В. Н. Давыдовымъ.

В. Н. Давыдовъ не признаетъ новаго направленія въ театрѣ.

— „Я нахожу, что вся эта „стилизация“ губитъ театральное дѣло, губитъ актеровъ. Возьмите Коммисаржевскую: во что она превратилась съ тѣхъ поръ, какъ стала по указкѣ нынѣшнихъ модныхъ режиссеровъ исполнять свои роли? Я увѣщевалъ недавно Коммисаржевскую отказаться отъ всего, пойти по прежней дорогѣ, и теперь, когда она научена горькимъ опытомъ, когда она предприняла эту ненужную поѣздку въ Америку и, какъ выражаются, по шпаламъ возвращается въ Россію, она также возвращается къ прежнему, общается съ прежней Коммисаржевской. Вотъ, и другая моя ученица г-жа Юренева Даровитый чеповѣкъ, подавала надежды, а что въ ней теперь, когда она ударились въ декаденцину и пропагандируетъ Пшибышевскаго. Я ее здѣсь въ Одессѣ, когда былъ года 3—4 тому назадъ, достаточно журилъ, но она не послушалась моего отеческаго совѣта. Теперь говорятъ она еще болѣе изломалась“.

Нѣсколько неожиданный взглядъ высказалъ В. Н. Давыдовъ по вопросу объ актерскихъ окладахъ.

„Нельзя-же на самомъ дѣлѣ платить среднимъ актрисамъ тысячные оклады. Должны-же понять эти господа, что они эксплуатируютъ не публику, не антрепренера, а своихъ младшихъ товарищей, которые изъ-за нихъ получаютъ 30—40 р. въ мѣсяцъ. По моему, слѣдуетъ установить предѣльный окладъ для актрисъ 800 р. въ мѣсяцъ, для актеровъ 700 р., но чтобы минимальный окладъ для самаго маленькаго труженника сцены былъ 75 р. Вотъ чѣмъ слѣдовало бы заняться театральнымъ съѣздамъ въ Москвѣ“.

*** Въ официальномъ органѣ „Кавказъ“ директоръ тифлискаго казеннаго театра опровергаетъ заявленіе депутата г. Тимошкина, будто бы что за послѣдніе 3 года въ тифл. казен. театрѣ ни разу не была поставлена „Жизнь за Царя“, хотя многія общества обращались съ просьбами поставить эту оперу.

Во-первыхъ, ни антрепризѣ, ни дирекціи театра ничего неизвѣстно о просьбахъ, заявленныхъ, по словамъ г. Тимошкина, „многими“ о-вами. О желательности постановки оперы „Жизнь за Царя“ заявлялось лишь однимъ или 2-мя представителями мѣстнаго русскаго патриот. о-ва.

Во-вторыхъ, эта опера въ этомъ сезонѣ прошла 5 разъ и только потому долгое время не ставилась, что не оказалось въ труппѣ сильнаго драматическаго тенора для выполненія легкой по тесситурѣ партіи Сабинина.

Остается Госуд. Думѣ войти въ обсужденіе необходимой тесситурой драматическаго тенора. „Слыхали-ль вы?“ — только и можно спѣть объ этомъ удивительномъ lex Тимошкинѣ...

*** По поводу постановки „Бориса Годунова“ въ Парижѣ анекдотъ изъ жизни извѣстнаго, нынѣ покойнаго, опернаго антрепренера Любимова. Дѣло происходило въ Кисловодскѣ. Полный сборъ, около 5,000 р. Поютъ Шалапинъ, Собиновъ и др. Настоящій спектакль galà, у всѣхъ приподнятое настроеніе. Одинъ Любимовъ разстроены.

— Что съ вами? — спрашиваютъ его. — Вы должны быть такъ довольны.

— Ой, ой... Когда спектакль окончится, мы будемъ пить шампанское... Когда онъ кончится...

— Въ чемъ дѣло?

— Ой, ой, мы будемъ пить шампанское, когда спектакль кончится...

— Наконецъ, спектакль благополучно кончился. Любимовъ угощаетъ шампанскимъ и развязываетъ языкъ.

— Вы знаете, какая паритуря была у суфлера? Ну? Не

знаете? Такъ я вамъ скажу:— „Аида“! У меня одна партитура „Вор. Год.“—такъ я ее отдалъ дирижеру. Но артистъ же не можетъ пѣть безъ суфлера—такъ я позвалъ суфлера, далъ ему „Аиду“ и говорю: дѣлай такъ, какъ будто у тебя „Вор. Годун“. Что? Шалаяпинъ не знаетъ партіи? Былъ бы только суфлеръ...

По провинціи.

Боровичи. Лѣтній театръ. Кружкомъ любителей наукъ и изящныхъ искусствъ ставятся драматическіе спектакли. Открытіе состоялось 14 мая. Дана была „Гроза“ А. Н. Островскаго, 21-го „Волна“ г. Рышкова и 2-го июня, въ понедѣльникъ „Шерлокъ Холмсъ“.

Каменецъ-Подольскъ. Гор. театръ сданъ г-жѣ Кожевниковой на три года. Кожевникова предложила три тысячи рублей за время пользования театромъ, при чемъ эти деньги будутъ употреблены всецѣло на ремонтъ театра.

Николаевъ. 1 июня въ театрѣ Я. Я. Шеффера начались спектакли украинской труппы подъ управленіемъ Т. Колесниченко, пріѣхавшей сюда изъ Херсона.

Новочеркасскъ. Оперное товарищество М. Шигаевой закончило здѣсь свои спектакли. Сборы были недурные. Отсюда труппа уѣхала на Кавказъ.

Одесса. 7 гастролей В. Н. Давыдова дали около 7,000 руб. Организаторы гастролей гг. Бѣляевъ и Кручининъ заработали, какъ говорятъ, за эту недѣлю до 2½ тысячъ.

По окончаніи гастролей въ Гор. театрѣ, труппа съ В. Н. Давыдовымъ во главѣ дастъ рядъ спектаклей въ Кишиневѣ, Бендерахъ и Аккерманѣ.

Оренбургъ. Особое искусство—расписывать афиши и анонсы. Въ газетномъ анонсѣ о пьесѣ Д. Бенарье „Пасынки жизни“, читаемъ: „пьеса заслужила всеобщее одобреніе столичной прессы, переведена на нѣмцкій и англійскій языки“.

Затѣмъ жирнымъ шрифтомъ напечатано:

„Вѣчно ужасный вопросъ—Почему?“

А сбоку въ особой черной рамкѣ:

Такъ крутится свѣтъ

Такъ живутъ евреи

Такъ надѣются люди

Такъ и умираютъ

Орель. 28 мая закончились въ лѣтнемъ театрѣ спектакли драматической труппы В. А. Краморова. По слухамъ, въ іюнѣ сюда пріѣзжаетъ опереточная труппа.

Рыбинскъ. Зимній сезонъ 1908—09 г. Дирекція музыкальн. драмат. кружка. Составъ труппы: г-жи Е. Н. Аргутинская, Д. В. Дианина, Е. Л. Леонидова, Т. И. Новицкая, Л. Н. Дальская, А. Л. Любимичъ, Е. Г. Дмитриева, А. Б. Машковская, М. М. Омарская, А. А. Каменская; гг. И. И. Бѣлоконъ, С. И. Ярцевъ, Ф. Ф. Орбельяни, П. И. Корякинъ, Л. М. Линдарскій, А. К. Мирскій, В. П. Касьяновъ, П. П. Сѣверскій, М. А. Гарри, М. М. Тархановъ, Н. П. Ларинъ. Режиссеръ И. И. Бѣлоконъ, помощн. реж. П. И. Корякинъ, декораторъ Н. П. Ларинъ. Сезонъ открывается въ сентябрѣ.

Саратовъ. Оперное товарищество пригласило на гастроли П. И. Цесевича. „Сар. Вѣстн.“ пишетъ: „Платонъ Ивановичъ выступитъ только въ 2-хъ спектакляхъ“. Пѣлъ г. Цесевичъ цѣлый лѣтній сезонъ въ Петербургѣ и никто не зналъ, какъ величаютъ его по батюшкѣ, а тутъ—на-те-ка—сразу попалъ въ Платоны Ивановичи!..

— Въ труппѣ г. Марковскаго начались гастроли А. И. Каширина.

Сумы. За 1-й мѣсяцъ А. Л. Миролобовымъ взято валового сбора 4600 руб., что составляетъ на кругъ 255 р. 50 к. Съ успѣхомъ и при полныхъ сборахъ прошли пьесы „Волна“ Рышкова, „Безъ вины виноватые“, Казнь“, „Шерлокъ Холмсъ“, „Король“ Юшкевича. Труппа подъ режиссерствомъ Ѳ. А. Строгонова-Боброва имѣетъ успѣхъ. Готовятся къ постановкѣ „Брандъ“ Ибсена, „Эросъ и Психея“ Жуковской и „Жизнь Человѣка“ Леонида Андреева.

Темрюкъ (Кубанской обл.). Намъ пишутъ: „Послѣ исчезновенія антрепренера Чернявскаго, образовалось товарищество драм. артистовъ подъ управленіемъ и режиссерствомъ И. И. Чернова. Составъ труппы: г-жи Тидеманъ, Панченко, Михайлова, Гарнова и Тарская; гг. Черновъ, Гарновъ, Ермоловъ, Любскій, Волинцевъ, Токаржевскій и Тарскій. Съ 17-го мая прошло четыре спектакля: „Казнь“, „Весенній потокъ“, „Дѣти солнца“ и „Слушай, израиль“. Сборы пока средніе.

Тифлисъ и Бану. По случаю убійства экарарха въ теченіе двухъ дней были запрещены спектакли.

Томскъ. Съ 25-го мая начались въ помѣщеніи цирка Стретова спектакли малороссійской труппы г. Волинскаго.

„Сиб. Отгол.“ сообщаютъ, что на зимній сезонъ общественное собраніе будетъ занято оперной труппой. Распорядитель труппы, г-нъ Герцъ, уже пріѣхалъ въ Томскъ для переговоровъ.

Харбинь. Въ „Вѣстникѣ Востока“ читаемъ: „Дал. Окр.“ помѣстила замѣтку о характеристикѣ артиста-переселенца, недавно хлопотавшаго о бесплатномъ билетѣ у Добровольнаго флота для поѣздки въ Японію. Можно прибавить еще одинъ штрихъ: для участія въ „Кармень“ онъ пригласилъ г. Н. съ платой 100 руб. за выходъ; передъ началомъ спектакля, г. Ф-ръ начинаетъ торговаться, предлагая уменьшить гонораръ со 100 р. до 75 р. Возмущенный такимъ оборотомъ дѣла, приглашенный артистъ потребовалъ всю сумму сполна и впередъ, угрожая въ противномъ случаѣ отказаться отъ всякаго участія и только по удовлетвореніи требованія пошелъ гримироваться. Подъ артистомъ-переселенцемъ газета, видимо, подразумѣваетъ Н. Н. Фигнера“.

Ѳеодосія. Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ М. И. Мартынова закончило здѣсь 29-го мая спектакли. Съ 1-го по 29-го мая товариществомъ поставлено 19 спектаклей, давшихъ валового сбора 2,610 руб. 75 коп., что на кругъ составитъ по 137 руб. 40 коп.

За вычетомъ всѣхъ расходовъ, на долю товарищества, состоявшаго изъ 25 человекъ, досталось не свыше 500 рублей. Отсюда труппа уѣхала въ Екатеринославъ, гдѣ пробудетъ весь іюнь.

На сѣнѣ драмы сюда прибыла оперная труппа Н. Н. Боглюбова.

Малехкій фельетонъ.

На одномъ лѣтнемъ открытіи.

Троица. Жарко. Тянетъ на лоно природы. Въ Озеркахъ—„лоно природы“—театральный садъ. Саженная афиша оповѣщаетъ объ открытіи сезона въ озеровскомъ театрѣ; дирекція С. О. Троцкой, съ участіемъ ея, г. Клементьева и г. Грѣхова и „при полномъ опереточномъ ансамблѣ“. Идетъ „Маскотта“, въ заключеніе цыганскіе романсы, „любимица публики“ С. О. Троцкая, режиссеръ В. Г. Владиміровъ. Въ саду обѣщано „грандіозное гулянье“. Публика валитъ валомъ на опереточное „лоно природы“ съ грандіознымъ гуляньемъ. Ищемъ грандіозное гулянье... Эстрада пуста, оркестра нѣтъ, никакихъ признаковъ убранства сада... На стеклянной верандѣ буфета 4—6 человекъ не то неаполитанцевъ, не то румынъ, пиликаютъ и взвизгиваютъ иждивеніемъ г. буфетчика. Только и есть „грандіознаго“.

— Слышали, говорятъ, нѣтъ даже оркестра для аккомпанимента. Владиміровъ цѣлый день ѣздилъ изъ Озерковъ въ Шувалово и обратно и все искалъ музыкантовъ, да тѣ нарочно попрятались, такъ и не нашель...

— Это еще что,—слышалось съ другой стороны,—говорятъ играть будутъ „по модному“, безъ костюмовъ—не привезли костюмовъ-то...

Томительное ожиданіе. Неаполитанцы поютъ подъ аккомпаниментъ гитары, мандолины и скрипочки. Публика съ настроеніемъ и капиталами устраивается въ буфетѣ. Начало назначено въ 8½, уже 9½. Наконецъ, раздается звонокъ. Спѣшимъ занять мѣста въ театрѣ. Ждемъ. Стучимъ. Хлопаемъ. Шумимъ. Въ 9 дождливо.

Занавѣсъ поднимается. Одинокою тѣнью съ грустной миной, проходитъ въ мѣста для музыкантовъ къ піанино дама-піанистка. На сцену выплываетъ весьма грузная особа въ бѣломъ. Слышенъ шопотъ: „Троцкая“... Нѣсколько хлопковъ. Пианистка усиленно старается открыть инструментъ, но безуспѣшно. Переговаривается на сцену. Пауза. Нѣкто въ бѣломъ, г-жа Троцкая, пріятно улыбаясь, мимически объясняетъ публикѣ, какой, молъ, непорядокъ, точно это относится не къ дирекціи г-жи Троцкой, а къ кому-то постороннему. По оркестровому помѣщенію проходитъ рубаха въ картузѣ, и театръ вдругъ оглушается трескомъ. Плотникъ благополучно взломалъ крышку инструмента и съ сознаниемъ добросовѣстно, хотя и безвозмездно исполненнаго долга, возвращается обратно. Какая-то дама вѣроятно, владѣлица роляя—вздыхаетъ. Начинаются цыганскіе романсы. Волѣ или менѣ запѣтый репертуаръ. Тутъ и троечка: ѣдетъ, ѣдетъ, и „опьянѣла“ и „если можно осторожно“.

Исполненіе г-жи Троцкой извѣстно, оно безусловно художественно и прекрасно иллюстрируется мимикой, но слѣдуетъ сказать правду: голосъ надтреснутъ, чрезмѣрная полнота нарушаетъ иллюзію.

Намъ говорили, что аккомпанировала г-жа Натарова совершенно безъ репетиціи. Нельзя не отмѣтить въ этомъ случаѣ ея находчивости и музыкальности.

Антрактъ. Публика выходитъ и опять „грандіозно“ гуляетъ. Слышны разговоры:

— Знаете почему г-жа дирекція пѣла „ѣдетъ, ѣдетъ“? Она, видите ли, думаетъ, что человекъ съ костюмами ѣдетъ, ѣдетъ... Вопросъ, доѣдетъ ли? А то, „если можно осторожно... поиграть и перестать“, какъ поется въ другомъ романсѣ, то

въдъ это значить, что оперетка не поидеть... Клементьевъ и Грѣховъ здѣсь, но вмѣсто хора „говорять“ четыре статистики да и оркестра нѣтъ.

По звонку вновь устремляемся въ театр.

10 час. 45 мин. На сцену торжественно выходятъ г-жа Троцкая и гг. Клементьевъ и Грѣховъ. Ждемъ увертюры. „Увертюра“ гласить, что за неприбытіемъ „транспорта“ съ костюмами, спектакль отмѣняется и переносится на завтра. Деньги могутъ быть возвращены. Ассистенты „торжественны“. Г. Клементьевъ, гордо закинувъ голову, обводитъ залъ, Грѣховъ моргаетъ глазами. Занавѣсъ падаетъ. Въ публикѣ говоръ.

— Вотъ и пѣла: „ѣдетъ, ѣдетъ“. Такъ и не доѣхалъ ни одинъ „транспортъ“.

— Пѣла символически: „поиграть и перестать“... Это точно.

Неожиданно пьяный голосъ покрываетъ шумъ толпы:

— Давайте разнесемъ стѣны!

Публика толпою въ 500 человекъ ринулась къ каскѣ. До поздней ночи она постепенно таяла и лишь во 2 часу ночи окончательно растаяла. Румынскіе неаполитанцы пѣли на буфетной верандѣ и услаждали слухъ. Буфетъ торговалъ хорошо. Вспрыскивали торжественно-грандіозное открытіе сада...
N.

сможемъ осуществить ту интимность сценическаго воспроизведенія, которая немыслима въ большихъ театрахъ. Этимъ-же опредѣляется въ извѣстной мѣрѣ и нашъ репертуаръ и пути художественнаго творчества въ нашей сценѣ: тонкость и мягкость исполненія, безъ сомнѣнія, гораздо легче достигимы на подмосткахъ маленькаго, по вмѣстимости, театра. Не вдаваясь ни въ критику, ни въ полемику, мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, не напомнить, что въ чайніи наибольшихъ барышей, почти всѣ театральные предприниматели ведутъ дѣло по «линіи наименьшаго сопротивленія». Сузивъ этимъ до минимума площадь своей дѣятельности, они избрали своими девизами: или служеніе (точнѣе—«подслуживаніе») какой-нибудь партіи: политической, національной, литературной и т. п., или же—стремленіе, во что бы то ни стало, обезпечить внѣшній, показной успѣхъ, не вдаваясь въ оцѣнку средствъ, которыми онъ достигается. Мы же устраняемъ прежде всего всякую партійность нашего будущаго театра, расширяя рамки его въ сторону совмѣстной

„Снѣгурочка“, Римскаго-Корсакова на сценѣ Парижской „Opéra Comique“.

Бобыль (М. Казеневъ).

Царь Берендей (Л. Бейль).

Танцы Масленицы.

Новое предпріятіе.

Собранію членовъ петербургскаго Театральнаго Клуба былъ представленъ дирекціею проектъ драматическаго театра, который предполагается устроить при клубѣ. Въ докладѣ дирекціи любопытнѣе, главнымъ образомъ, взглядъ на художественныя задачи проектируемаго театра и «формы его проявленія». Конечно, отъ слова до дѣла—дистанція огромна, но характерно, что, по крайней мѣрѣ, теоретически театру ставятся задачи ясныя, и что «модныя вѣянія» не проникли ни въ одну щель проекта.

Въ докладѣ читаемъ: «Нашъ театръ долженъ отличаться отъ другихъ тѣмъ, что привлечетъ къ себѣ и истинныхъ друзей и знатоковъ сцены, и достаточно широкие слои интеллигентной публики. Но мы не можемъ конкурировать ни величиной сцены, ни сложностью и роскошью постановокъ, ни громкими именами исполнителей. Самая вмѣстимость нашего театральнаго зала (около 700 зрителей), уже предопредѣляетъ невозможность состязаться по этимъ признакамъ. И, по мнѣнію Совѣта, въ этомъ есть своя хорошая сторона: ею мы

и въ то же время самобытной дѣятельности и драматурга, и артистовъ, и режиссера. Каждый изъ этихъ трехъ факторовъ долженъ занять на нашей сценѣ подобающее ему почетное мѣсто, не угнетая другого своей самодержавной властью, а напротивъ, способствуя всѣми зависящими отъ него средствами наиболѣе яркому выявленію личнаго творчества. Поэтому, возможность воплотить и выяснить присутствующую каждому таланту индивидуальность мы считаемъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ должна быть построена наша сцена.

Что касается репертуара, двери нашего театра должны быть широко открыты для драматурговъ всѣхъ школъ и направлений, начиная съ реалиста-бытовика и кончая ультра-модернистомъ, если только произведенія ихъ, дѣйствительно, талантливы, строго-литературны и художественны. Ревниво охраняя индивидуальность каждаго автора, мы должны избѣгать, при сценическомъ воспроизведеніи, всякихъ крайностей и вычурностей. Наши пьесы и наши постановки должны отличаться не столько внѣшней надуманной оригинальностью, или экстравагантностью, сколько самобытностью творчества, которая только одна можетъ служить истинно-художественнымъ показателемъ при сценическомъ

„Снѣгурочка“, Римскаго-Корсакова на сценѣ
Парижской „Opéra Comique“.

Бобылиха (М. Колась).

воспроизведеніи пьесы. Въ виду размѣровъ нашей сцены, намъ едва ли придется часто ставить пьесы классическія, историческія и обстановочныя. Этимъ и опредѣляется нашъ основной репертуаръ—преимущественно современный. Но мы не отвергаемъ ни тѣхъ, ни другихъ пьесъ, какъ не отвергаемъ вообще никакого жанра драматургіи: мы включимъ въ нашъ репертуаръ и серьезную идейную драму, и безпритязательно-веселую комедію, разъ только онѣ будутъ отмѣчены печатью таланта и литературнаго вкуса. Нашъ театръ долженъ быть тѣмъ именно театромъ, который, не зарываясь ни въ какія теоретическія дебри и сценическія крайности, могъ бы сослужить и для драматурговъ, и для артистовъ посильную службу въ качествѣ питомника дарованій, дорожа ими, оберегая ихъ и направляя. Такова та идейно-культурная задача, къ которой долженъ стремиться нашъ театръ. Мы прекрасно сознаемъ, что задача эта большая и нелегкая, но тѣмъ убѣжденнѣе и горячѣе должны мы стараться поставить съ самаго начала нашъ театръ возможно ближе къ намѣченному идеалу. Совершенно ясно, что нашъ театръ основывается не для извлеченія изъ эксплуатаціи его возможно большаго дохода,—напротивъ, Совѣтъ не только теперь же мирится съ полной его бездоходностью, но и признаетъ вполне нормальнымъ, чтобы Клубъ посильно приплачивалъ изъ своихъ средствъ: жизненные интересы клуба должны подсказать ему, что театръ при немъ не есть одна изъ его доходныхъ статей, увеличивающая прямо и непосредственно его матеріальное благосостояніе, а есть то именно дѣло, съ осуществленіемъ котораго Театральный Клубъ можно будетъ признать учрежденіемъ жизнеспособнымъ, дѣйствительно нужнымъ. Но, разумѣется, театръ не можетъ разорять клуба, и потому театральная смѣта должна составляться возможно экономнѣй.

Разсмотрѣвъ вопросы объ оплатѣ авторовъ, Совѣтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Дабы привлечь къ нашему театру возможно большій контингентъ талантливыхъ драматурговъ, какъ съ установившейся репутацией, такъ и начинающихъ, помимо гарантіи, что пьесы ихъ будутъ поставлены и исполнены съ должной художественной добросовѣстностью и при ближайшемъ ихъ участіи, необходимо еще, чтобы авторы и матеріально были обез-

печены сравнительно выгодно. Въ этихъ цѣляхъ Совѣтъ предлагалъ-бы установить тройное одновременно вознагражденіе: 1) Отъ ста до двухсотъ рублей за дѣйствіе—за пріобрѣтеніе исключительнаго права постановки пьесы въ нашемъ театрѣ («Manuscriptsrecht»); 2) процентное отчисленіе съ валового спектакльнаго сбора, который можетъ быть опредѣленъ въ 10⁰/₀ за основную пьесу, заполняющую весь спектакль, безразлично къ числу актовъ въ ней, или по два процента съ акта, если спектакль составленъ не изъ одной пьесы,—при чемъ четырехактная равно оплачивается съ пятиактной и 3) — по-актный гонораръ, согласно съ тарифами обоихъ обществъ, охраняющихъ авторскія права.

Что касается вопроса о труппѣ, то Совѣтъ, по всестороннемъ обсужденіи, призналъ, что во-1) — составъ ея, въ видѣ основного ядра, оплачиваемаго постояннымъ жалованьемъ, можетъ не превышать 25 человекъ, съ пополненіемъ, по мѣрѣ надобности, исполнителями на ежемѣсячномъ вознагражденіи или на разовыхъ; во 2-хъ, что, не гоняясь за громкими именами и за модными знаменитостями, труппа должна оплачиваться средними по размѣрамъ окладами (не свыше 500—600 рублей въ мѣсяцъ) и въ 3-ихъ, что постоянное жалованье должно быть разчитано на полный годъ (12 мѣсяцевъ), безъ всякихъ вычетовъ за время поста и за 2—2¹/₂ ваканціонныхъ лѣтнихъ мѣсяца.

Открытіе театра дирекціа намѣрена еще въ ближайшемъ сезонѣ, приблизительно съ 15 ноября. Мы думаемъ, что это едва ли удастся, и очень сомнѣваемся, чтобы первый сезонъ могъ дать хорошіе художественные результаты. Смѣта на ближайшій сезонъ сбалансирована слѣд. образомъ:

1) Содержаніе основной труппы въ 10-ть человекъ и двухъ режиссеровъ—съ 15-го сентября 1908 г. по 15-ое апрѣля 1909 г.—3,300 р. въ мѣсяцъ, а за семь мѣсяцевъ—23,100 р.

2) Содержаніе дополнительнаго состава труппы и всѣхъ служащихъ при театрѣ съ 15-го сѣтября по 15-ое апрѣля, около 2,440 р. въ мѣсяцъ, а всего за шесть мѣсяцевъ—14,600 р.

3) Расходы по управленію театромъ, на вознагражденіе членовъ комисій и пр.—по 1,200—1,500 руб. въ мѣсяцъ.

4) Содержаніе театральнаго помѣщенія (ежегодная уплата за театръ, освѣщеніе его, отопленіе и пр.) за весь сезонъ—15,500—17,000 р.

5) Вечеровой расходъ около—4,350 р. въ мѣсяцъ, а за весь сезонъ—26,000 р.

6) Экстренные и непредвидѣнные расходы на весь сезонъ—5,800 р.

Весь расходъ приблизительно—94,000—97,000 р.
120 вечернихъ спектаклей по 700 р. на кругъ (при суммѣ полнаго сбора по обыкновеннымъ цѣнамъ свыше—1400 р.)—

Первая танцовщица „Opéra Comique“—Регина Баде.

„Снѣгурочка“, Римскаго-Корсакова на сценѣ
Парижской „Opéra Comique“.

Снѣгурочка (Маргарита Карре).

84,400 р., 30 утренниковъ (по удешевленнымъ цѣнамъ по 200 р.
на кругъ—6000 р.—90,400 р.
За вычетомъ отсюда 10% авторскихъ около 7400 р.—
83,000 р.

Сдача арендныхъ статей—4000 р.

Сборъ за контрмарки, штрафы и пр.—3000 р.

Весь приходъ приблизительно—90000 р.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ привѣтствовать новое начинаніе. И было-бы весьма прискорбно, еслибы дѣло выродилось въ сѣренькое, ординарное предпріятіе.

Выходимъ на дорогу.

Понемногу выходимъ на дорогу. Я не отличаюсь склонностью къ оптимизму, однако не могу отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить, какъ постепенно вновь входятъ въ сознаніе тѣ идеи «добраго стараго» театра, который казался, вотъ-вотъ, повергнутымъ стремительнымъ натискомъ модернизма. Разгадана внутренняя пустота натуралистическихъ выдумокъ, на которыя былъ такъ тароватъ московскій Художественный театръ. Померкла, не успѣвши отцвѣсть, мейерхольдовщина. Сейчасъ мы присутствуемъ при очень любопытномъ явленіи—отреченіи теоретиковъ символизма отъ театра. Объ этомъ была, если не ошибаюсь, въ прошломъ году по обыкновенію очень туманная статья г. Андрея Бѣлаго, по поводу гастролей театра г-жи Коммисаржевской въ Москвѣ. Я привожу теперь выдержку изъ статьи г. Элліса въ № 4 «Вѣснѣ» за нынѣшній годъ,—статья очень ясной и сжато излагающей весьма, пожалуй, не новыя и потому именно для насъ цѣнныя мысли. Театръ окончательно разлучается съ символизмомъ.

Это «отлученіе отъ стола и ложа», *séparation de corps et de lit*, провозглашенное на страницахъ именно того журнала, который больше всего кружилъ головы искателямъ «новыхъ формъ» и концессионерамъ «послѣднихъ словъ», представляетъ, безспорно, весьма характерный симптомъ. Гдѣ-то на задворкахъ модернизма, въ провинціальныхъ, преимущественно медвѣжьихъ углахъ, со страстностью новообращенныхъ, еще пытаются театръ, добываясь отъ мѣстнаго антрепренера Мигаева «символическихъ» спектаклей и угрожая ему въ противномъ случаѣ реальною пустотою кассы. А между тѣмъ въ духовномъ центрѣ, на самомъ, такъ сказать, Олимпѣ «новыхъ ученій», луна вступила въ новый фазисъ и символическій театръ объявленъ невозможностью.

Вотъ что пишутъ въ «Вѣсахъ»:

«Для насъ лично, въ началѣ 20-го вѣка, когда небывало утонченное художественное зрѣніе начинаетъ переростать самую идею театра, замѣняя методъ созерцанія мечты, черезъ воплощеніе ея, противоположнымъ исканіемъ вѣчныхъ призраковъ, романтическихъ отрѣшеній,—всякія попытки къ возврату единства жизни и созерцанія, къ приближенію сцены къ началу религіозно-общественному не менѣе потѣшны и бесплодны, чѣмъ, на примѣръ, стремленія Льва Толстого повернуть челоѣчество отъ стадіи городской цивилизациі и капитализма прямо къ старому натурально-хозяйственному патриархальному быту. Мы не можемъ серьезно говорить о подобныхъ химерахъ, тѣмъ болѣе, что онѣ теперь въ модѣ и, стало быть, черезъ 1—5 лѣтъ отъ нихъ останется приблизительно столько же, сколько осталось отъ «хороваго начала» славянофиловъ или молитвеннаго воспѣванія общины народниками, т. е. ровно ничего.

Мы живемъ не въ вѣкѣ Аристотеля, еще менѣе въ вѣкѣ Лессинга. Мы можемъ воздавать должное воплощенному дѣйствию, мы не можемъ не любить Шекспира, но весь трепетъ нашей эпохи, вся боль и весь восторгъ того новаго, чѣмъ ознаменована эпоха символизма, лежитъ въ сферѣ прямо-таки противоположной.

Символизмъ на сценѣ немислимъ такъ, какъ невозможно музыка для глаза, другими словами, такъ же, какъ невозможно опера.

Сущность символизма—умѣніе ловить тончайшіе намеки вещей, не искажая ихъ реального лица, умѣніе понимать пристальныя и неподдающіяся передачѣ грубыми, всегда механическими и искусственно-условными средствами сцены, «regards familiers» всякой вещи въ великомъ храмѣ Природы.

Сущность символизма—correspondences, безчисленныя, неуловимыя едва и лишь отчасти воплощаемыя, никогда не совпадающія съ міромъ явленій correspondences и единственнымъ средствомъ передачи ихъ всегда были и будутъ тѣ «confuses paroles» лирическаго поэта, самымъ существеннымъ свойствомъ которыхъ должна быть признана ихъ недоступность среднему, переполненному трепетомъ жизни, челоѣвѣку, ихъ аристократическая исключительность и абсолютная непригодность для какихъ бы то ни было общественныхъ экспериментовъ. Не случайно величайшіе поэты-символисты нашей эпохи были плохими драматургами, при этомъ самыя великіе изъ нихъ вовсе ими не были.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ сценичны пьесы Метерлинка? Развѣ еще раньше Гете не замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ, что лучшія драмы Шекспира написаны для чтенія? Далѣе развѣ можно подуматъ безъ дрожи ужаса о приспособленіи къ сценѣ, (которая къ тому же немислима и не представляема безъ публики, а послѣдняя всегда была и

Головки красавицъ: (Англійскій иллюстр. журналъ помѣстилъ коллекцію самыхъ красивыхъ моделей извѣстнѣйшихъ англійскихъ художниковъ Изъ этой коллекціи мы взяли 4 головки для образца).

будетъ самой высокой платой за сцену), хотя одного изъ безсмертныхъ своей безжизненностью образовъ Маллармэ, ставшаго на роковую грань самаго слова? Развѣ объ пьесы Роденбаха (*Le voile, Le mirage*) не слабѣе всего имъ написаннаго? Развѣ случайно Бодлеръ никогда не осуществилъ своего плана написать драму о Донъ-Жуанѣ? Развѣ возможно представить себѣ на сценѣ гибель человѣчества подъ разверстой міровой крышей, пронзенной лучами золотой трубы ангела, въ «Землѣ» В. Брюсова? Насколько сказки Уайльда выше его пьесъ! Можно ли видѣть безъ возмущенія на сценѣ «Адъ» Данте, созданный эффектами рампы или вѣчную Розу его «Paradiso», зажженную мириадами электрическихъ лампочекъ? Мыслима ли постановка полностью гетевского «Фауста»? Верхарнъ—самый сомнительный среди современныхъ символистовъ съ точки зрѣнія строгости метода, самый лучшій драматургъ между ними, но все же его трилогія—худшее изъ всего когда-либо имъ написаннаго.

Геній Э. По недаромъ органически чуждался сцены, не будучи въ состояніи ограничивать свои полеты и паденія размѣрами трехъ стѣнъ и рампы и неизбѣжно забывая въ своихъ глубочайшихъ творческихъ переживаніяхъ о сценическихъ эффектахъ, т. е. о линіи зрѣнія публики. Не для простой шутки писалъ Бодлеръ въ своемъ «*Mon coeur mis à nu*», что лучшая вещь въ театрѣ—люстра... Это иронія пераго среди символистовъ и поэтовъ современной души—говоритъ очень много, несмотря на всю свою парадоксальность. Да, строгій, утонченный и послѣдовательный символизмъ чуждается сцены, какъ таковой».

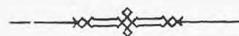
Театръ, такимъ образомъ, оказывается недостойнъ вершинъ символической поэзіи. Не будемъ объ этомъ спорить. Пусть такъ, пусть вину беретъ на себя театръ. Важно не это, а то, что невозможная совмѣстная жизнь кончается. Важно, что «не сошлись характерами», и какъ всегда водится въ этихъ случаяхъ, одинъ готовъ свалить вину на другого.

Итакъ—разводъ. Была безъ радости любовь, разлука будетъ безъ печали. Драгоцѣнный выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ этого признанія невозможности совмѣстнаго сожителства театра и символической поэзіи, идетъ гораздо дальше частнаго факта. Онъ подтверждаетъ ту простую истину, что театръ есть явленіе *sui generis*, своеобычное, что имѣются свои театральные законы, что театръ—самостоятельная область, независимое царство, и что подобно тому, какъ отбить штурмъ символизма на театръ, такъ будетъ отброшенъ и всякій иной натискъ нетеатральнаго на театръ. Никто не опровергнулъ Аристотелевой теоріи—никто и не опровергнетъ, и не потому, что таковъ геній Аристотеля, а потому, что какъ Эвклидова геометрія есть

констатированіе взаимоотношеній протяженностей, такъ Аристотелева поэтика есть формула существующихъ соотношеній различныхъ родовъ поэзіи. Мы возвращаемся понемногу къ простому и ясному раздѣленію. Не только символизмъ чуждъ театру—ему чужда всякая лирика, по той простой причинѣ, что театру свойственна только драматическая поэзія. Мы пришли къ той станціи, которой не слѣдовало покидать. Театръ есть театръ—не болѣе того и не менѣе. Въ режиссурѣ театръ хотѣли сдѣлать складочнымъ мѣстомъ разныхъ искусствъ. Это ложное стремленіе, и понемногу оно разсѣивается. Въ литературномъ смыслѣ театръ пытались превратить въ пантеонъ литературныхъ жанровъ. И это ложь. Въ театрѣ возможна только театральная литература. Теперь вы утверждаете, что метерлинковскія пьесы не для сцены. Когда такъ говорилъ Юлій, его упрекали въ мѣщанствѣ, невѣжествѣ, консерватизмѣ. Теперь это говоритъ Юній. Можетъ быть, не вѣрившіе Юлію повѣрятъ Юнію...

Понемногу мы выходимъ изъ тупика на дорогу. Форма театра открывается въ его истинныхъ основахъ. Остается признать еще самостоятельную моральную цѣнность театральной пьесы... Я намѣренъ въ скоромъ времени посвятить этому вопросу особую статью.

А. Кугель.

О принципахъ ховаго театра*).

(Письма К. С. Станиславскому).

Впрочемъ, я отвлекся. Я хотѣлъ сказать то, что въ бѣгствѣ отъ реального можно утратить чутье реального и вдвинуть сцену въ ту область, гдѣ мѣсто скорѣе музыкѣ, гдѣ сцена всегда будетъ безсильной и что хуже всего, можно навязать сценѣ чуждую для нея обязанность передачи «внѣжизненнаго» даже тогда, когда такой задачи не беретъ на себя авторъ.

Я знаю одну декорацию (и постановку), которую считаю почти идеальной, и думаю, что дальше ея идти въ стилизаціи при существующемъ репертуарѣ—невозможно, ошибочно да, можетъ быть, и репертуаръ, идущій за предѣлы этой полуреальной декорации, былъ бы искусственнымъ перенесеніемъ на сцену того, что въ будущемъ, можетъ быть, и найдеть мѣсто на сценахъ идеально усовершенствованныхъ, но въ то же время допускающихъ невѣсомую тѣнь отца Гамлета—ауксетофоновъ-синематографовъ съ «рѣчами».

*) См. №№ 21 и 22.

Я разумѣю декорацию 3-го акта «Драмы жизни», говорю о декорации въ ея замыслѣ. Норвегія — живая реальная Норвегія съ ея туманно-прозрачными полутонами.

И жизнь, которая здѣсь реальна въ своихъ внѣшнихъ формахъ и аксессуарахъ. Но въ то же время молочная дымка нереального обволакиваетъ всѣ эти реалистическія частности и создаетъ настроеніе углубленной «трагикомедіи» жизни, «ярмарки смерти».

Реальное здѣсь также необходимо, какъ и противоположная дымка нереального.

Реальное удерживаетъ въ области здѣшняго, мѣшаетъ перейти въ сферу совѣмъ чужихъ, чуждыхъ замыслу автора измѣреній.

Сверхреальное помогаетъ перейти грань частного факта и подойти къ общему, къ всегда мистической, по своему, подосновѣ жизни, къ сути жизни, всегда полупрозрачной. Декорация совпала вполне со стилемъ пьесы — не обогатила и обогатила пьесу. Можно было слѣдять еще шагъ и изъ пьесы получился бы метафизическій трактатикъ.

Но перейду къ болѣе простому.

Это простое въ слѣдующемъ: декорация не можетъ и не смѣетъ отрѣшиться отъ нѣкотораго реализма и по другимъ соображеніямъ. «Декоративная обстановка была условна, но въ подробностяхъ рѣзко реалистична» — писалъ Брюсовъ. Откидывая слово «рѣзко», я сказалъ бы: «такъ и должно быть». Попытка устранить декорацию или при условныхъ постановкахъ обратить ее въ красочный аккомпаниментъ, симфонию на тему пьесы, лежащую, или въ павно, за актеромъ, внѣ его — было бы гибелью для театра. Я настаиваю, что актеръ, а не авторъ главный дѣятель въ пьесѣ: онъ дѣлаетъ изъ пьесы для чтенія — пьесу-дѣйствіе «актъ». Но актеръ въ своихъ интересахъ, т. е. интересахъ театра не можетъ желать быть внѣ плана декорации — передъ декорацией. Эта декорация въ ощущаемыхъ подробностяхъ — досечка съ надписью «лѣсъ» — была все-таки *такой реалистической подробностью*; не только для публики, но и для актера она необходима, чтобы дать то, что онъ долженъ дать.

А дать онъ долженъ съ одной стороны *углубленную* передачу настроеній, философское осмысленіе психологическихъ переживаній (А), съ другой — откровеніе о возможной реальной силѣ переживанія (В). Первая задача требуетъ его уединенія, отрѣшенности отъ декорации и такъ какъ Мейерхольдъ здѣсь въ «статикѣ» настроенія, въ его неподвижномъ моментѣ видитъ суть театра, то, конечно, онъ имѣетъ право быть противъ декорации — самое большее желать ея, какъ фона для «рисунка», какой даетъ актеръ.

Мы, ставя съ этой задачей нашу вторую, требуемъ отъ актера, чтобы онъ *творилъ* настроенія, т. е. силой таланта двигаясь вверхъ въ подъемѣ психологическихъ переживаній, по обычнымъ нашимъ путямъ давалъ намъ откровеніе о нихъ (В). Показывалъ ихъ въ такой силѣ и такихъ сторонахъ, въ какихъ, можетъ быть, ихъ не знала *вчерашняя психология*. Это можетъ показаться шуткой или парадоксомъ, но я готовъ признать, что чувство ревности, напр., впервые вскрыто и показано и дано людямъ не курсами психологіи и не «Господомъ Богомъ» — въ процессѣ творенія человѣка, а Росси и Сальвини.

Я даже полагаю, что сегодня артистъ можетъ открыть настроеніе, какого въ немъ не было, какого онъ не зналъ вчера.

Это именно творчество психологическихъ переживаній и, можетъ быть, самое главное, что можетъ дать актеръ.

Изъ такихъ моментовъ вырастаютъ тѣ опухоли духа, которыя постепенно создаютъ типъ новаго человѣка. Такимъ образомъ, мы ждемъ отъ актера *количественнаго увеличенія* нашихъ духовныхъ движеній.

Но для движенія по этой линіи — актерю необходимо отталкиваться не отъ своего «я» въ его внутреннихъ переживаніяхъ, а отъ реального или поддѣлки напомниманія о реальномъ.

Поставьте актера въ условія мейерхольдовской декорации — павно или въ пустоту, гдѣ не будетъ для актера никакой реальной точки опоры исхода, внѣшняго жизненного толчка «для движенія» психической волны, — онъ будетъ затрудненъ въ своей работѣ нащупыванія нюансовъ духовныхъ движеній, по обычнымъ реальнымъ ходамъ психическихъ переживаній и по необходимости — отдаваясь пустотѣ и тишинѣ новыхъ постановокъ — уйдетъ только вглубь переживаній, къ философіи психического движенія.

Онъ будетъ играть на нѣмыхъ клавишахъ. Есть такъ называемые нѣмые фортепiano съ клавишами, но безъ струнъ. На такомъ фортепiano обязательно игралъ А. Г. Рубинштейнъ. Такимъ путемъ онъ въ молчаніи искалъ новые тона, новыя музыкальныя настроенія.

Но послѣ этого ему необходимо было отталкиваться и отъ звуковъ. Въ тишинѣ нѣмого фортепiano онъ находитъ одни откровенія (вглубь), на звучащемъ фортепiano находилъ новыя музыкальныя краски.

Если бы онъ переносилъ на бумагу то, что давало нѣжное фортепiano, — его композиціи были бы, можетъ быть, глубокими, какъ море, но безъ силы и красокъ.

И вотъ если игра въ гаммахъ Метерлинка-Мейерхольда — требуетъ пустоты — удаленной и отъ актера декорации — декорации для жеста, а не звука, — игра въ другой гаммѣ (соотвѣтственно непохороненной старой манерѣ), требуетъ опорныхъ пунктовъ въ декорации.

Дверь въ «Смерти Тентажиля» нужна только для зрителя, можетъ быть, не нужна актерю, но тихая Дездемона, дѣйствительный платокъ, подброшенный Яго, желѣзный ключъ у Зобеиды и Катерины въ «Грозѣ» нужны актерю. Для подъема, для нащупыванія тона нужно отходить отъ реальныхъ частности. Конечно, можно превосходно испугаться гибели Росмера и Ревекки, за сценой упавшихъ въ водопадъ, но я знаю образцы огромнаго таланта которые въ первомъ моментѣ нуждались въ обманѣ. И это именно люди огромной силы воображенія, способные галлюцинировать.

Вообще, я думаю, съ реальной декорацией еще далеко не кончено. Есть стороны, которыя далеко не точно учтены.

Мы видѣли, что говоритъ о реальной декорации Стринбергъ. Мы не можемъ упрекнуть его въ вулгарности вкуса. Онъ стоитъ за декорацию одной стѣны.

Далѣе у Стриндберга мы находимъ интересное замѣчаніе: «Смерть въ бѣлыхъ занавѣсахъ кровати» значитъ, сама жизнь иногда стилизуетъ обстановку или, вѣрнѣе, съ нѣкоторыми частностями жизни у насъ ассоціировались болѣе глубокия внутреннія переживанія.

Эту «стилизацію» тоже нужно учесть, синтезировать и потомъ только похоронить, если окажется нужнымъ. Но слѣлана ли эта работа учета?

Затѣмъ я видѣлъ «Грозу» въ постановкѣ Корша. Пьеса тамъ ставится, какъ во времена Островскаго. Обстановка скорѣе убогая. Но съ этой обстановкой для насъ интимно связано старое представленіе о

Послѣдній выпускъ балетнаго отдѣленія Театральнаго Училища.

1) М. С. Добролюбова (съ 1-й наградой). 2) А. С. Чумакова 2-я. 3) В. Ф. Нижипская (съ 1-й наградой). 4) Е. С. Ольхива. 5) Е. А. Георгиевская 2-я (со 2-й наградой). 6) Л. П. Чернышева. (Съ фотографіи Императ. театровъ К. А. Фишера).

темномъ царствѣ. Мы психически срослись съ такой декорацией, какъ съ чѣмъ-то пропитаннымъ запахомъ «Костромской драмы».

И я считаю такую постановку реалистической и въ то же время умной стилизаціей.

Постановка «Бѣсовскаго дѣйства» по лубочнымъ картинамъ—декорации Добужинскаго къ «Робену и Маріонъ»? Но это опять-таки реальныя декорации, примѣненія чисто реалистическаго, если хотите, антикварнаго метода.

Значитъ, похороненъ реализмъ или просто не учтенъ? Даже «Горе отъ ума» у Станиславскаго, построено на антикварномъ началѣ. Постановка здѣсь продумана и одухотворена и я не вижу, почему она не годна. Потому что дорога? Но это уже особый принципъ—внѣтеатральный.

Я допускаю случаи, когда реальная декорация будетъ наилучшей рамой для вовсе не реальной пьесы. Беру такое явное фантастическое явленіе, какъ передонощина Сологуба. (Допускаемъ условно, что «Мелкій бѣсъ»—пьеса). Какой лучше декорации для хоровода сценъ явно кошмарно-фантастическихъ, какъ не банальность и точность реалистической декорации?

Перейдемте отсюда къ чеховскимъ пьесамъ и, можетъ быть, придется признать, что реализмъ Художественнаго театра здѣсь былъ развѣ недостаточно хорошо осуществленнымъ примѣненіемъ антитезы. Попробуйте дать для такой внѣшне-реальной и внутренне—въ высшей степени не реальной

пьесы осложненную стилизованную декорацию (и постановку) а а Мейерхольдъ,—очень можетъ быть кошмаръ исчезнетъ, потому что вы найдете его черезчуръ *страшнымъ*.

А чеховскія пьесы—это громадная группа—это, въ сущности, половина теперешняго репертуара.

Однако, довольно о декорации. Говоря о постановкахъ въ цѣльномъ, я имѣю возможность договорить не досказанное.

Михаиль.

З а м ѣ т к и.

Кончался Викторъ Викторовичъ Билибинъ. Онъ написалъ множество водевилей, шутокъ и фарсовъ, и умеръ отъ воспаления легкихъ—таковъ приблизительно некрологъ, напечатанный въ газетахъ. Какъ видите, нѣтъ ничего горестнѣе судьбы русскаго водевилиста и русскаго водевиля. Съ тѣхъ поръ, какъ Репетилонъ возгласилъ: «водевиль есть вещь, а прочее все гиль»—господствуетъ, по духу противорѣчія, противоположное заключеніе: «водевиль есть гиль, а прочее все вещь». Въ то время, какъ Галеви былъ de l'Academie Française, Билибинъ былъ не болѣе, какъ осколокъ отъ

«Осколковъ». Съ тѣмъ и умеръ: написалъ множество водевилей и шутокъ и умеръ отъ воспаления легкихъ. написалъ заслуживающее тѣна и самъ въ прахъ обратился. Когда я учился въ черниговской гимназiи, то идучи въ классы, останавливалъ свой взглядъ на маленькой дощечкѣ съ курьезной надписью: «Здѣсь живетъ портной Педель и выводитъ пятна». Только для того и жилъ портной Педель, чтобы выводить пятна. По скромности и самоограниченію жизненныхъ задачъ, русскій водевилецъ напоминаетъ черниговскаго портного Педеля. Иногда припоминаютъ слова Чехова, который говорилъ, что все хочетъ написать настоящій хорошій водевиль, и при этомъ подымаютъ брови и снисходительно улыбаются: дескать, позволительно имѣть фантазiи. А Чеховъ былъ, дѣйствительно, водевиль, и такой водевиль, какъ «Свадьба», есть, конечно, «вещь», въ сравненiи съ которой, если хотите, гиль, напимѣръ, очерки Сахалина, да, пожалуй, и кое-что другое. Я боюсь назвать это кое-что другое, чтобы мнѣ не сказали словами «Свадьбы»: «позвольте вамъ выйти вонъ».

Я, конечно, не равняю Чехова съ Билибинимъ, хотя сравненіе напрашивается само собою: Чеховъ былъ сначала Чехонте, а Билибинъ—И. Грэкъ. Но Чеховъ пересталъ быть Чехонте, Билибинъ же до конца дней остался И. Грэкомъ. Но купель, въ которой получается первоначальное литературное крещеніе, отнюдь не является случайностью. Какъ-то однажды я разговорился съ Ип. Фед. Василевскимъ-Буквой, безсмѣннымъ въ теченіи многихъ лѣтъ редакторомъ «Стрекозы». Я припоминалъ свои первые литературные опыты, появившіеся въ 1882 г. въ томъ же журналѣ.

— А знаете,—сказалъ И. Ф.,—что кромѣ Чехова, и Максимъ Горькій первая свои строки напечаталъ у меня, въ «Стрекозѣ».

Снова случайность, скажете вы? Назовете-ли вы также случайностью, что Л. Андреевъ подѣ псевдонимомъ Джемса Линча печаталъ вначалѣ юмористическіе или полу-юмористическіе фельетоны въ московской газетѣ? Или, можетъ быть, это вовсе не случайность, что стремленіе къ беззаботному юмору, къ *поттхъ* смѣха есть первоначальная форма художественныхъ устремленій, своего рода бунтующая потребность юнаго литературнаго воображенія?

Скажу лично про себя, что на зарѣ моей «туманной юности», И. Грэкъ, котораго я совершенно не зналъ, казался мнѣ воплощеніемъ остроумія, человѣкомъ орлиного взгляда. Онъ всецѣло владѣлъ моимъ воображеніемъ. Лавры юмориста казались мнѣ самыми прекрасными, самыми душистыми лаврами, и частенько я, блуждая по петербургскимъ улицамъ, останавливалъ свое вниманіе на какомъ-нибудь высокомъ (непремѣнно высокомъ) съ орлинымъ профилемъ молодомъ человѣкѣ и думалъ про себя: «вотъ это навѣрное—И. Грэкъ». И подавленный этимъ прекраснымъ лицомъ, сохраняя въ душѣ отблескъ искрометныхъ взоровъ незнакомца, который долженъ быть И. Грэкомъ, я шелъ домой, на шестой этажъ грязнаго петербургскаго дома, въ свою нищую коморку, и писалъ юмористическіе опыты, и рвалъ ихъ, и потѣлъ, и проклиналъ свое бѣдное, скудное, жалкое воображеніе. Отчего я не И. Грэкъ? Ахъ, почему я не И. Грэкъ?

И нынѣ мнѣ представляется совершенно безспорнымъ, что душа художественнаго воображенія, если можно выразиться, пробуждается къ жизни черезъ юморъ, что улыбкой ясною природа сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года, что такъ было, такъ будетъ; что непремѣнно сначала пачкаешь карикатуры, и освобождаешь смѣхомъ духовную энергію совер-

шенно такъ-же, какъ игрою въ мячъ или городки даешь выходъ избытку физическаго полносилія. Въ юморѣ уже заключены всѣ будущія возможности: въ радостной улыбкѣ юмориста свѣтитъ тайная печаль, и одна грань отдѣляетъ грусть и элегію пессимистической лирики отъ смѣха. Ничтожество міра освѣщается смѣхомъ или слезами, но ничтожество міра уже предопредѣлено.

Билибинъ, однако, застрѣлъ на юмористическомъ журналѣ. Какъ вамъ сказать? Если обязательно начинать цвѣтами невиннаго юмора, то совершенно противуестественно, противно сущности и характеру нормальной эволюціи, продолжать изъ этихъ цвѣтовъ плести вѣнки до скончанія дней. Билибина съѣлъ юмористическій журналъ, и если его водевили и фарсы такіе остроумные, живые и веселые, не приобрѣли ему широкой литературной славы и извѣстности, то, конечно, единственно потому, что онъ слишкомъ долго оставался И. Грэкомъ, ищущимъ смѣха для смѣха, и профессионально обязавшимъ себя душить всѣ побѣги юмора въ смежныя и высшія области. Это ненужно для юмористическаго журнала, и потому прерывалось въ зародышѣ.

Лабишъ, авторъ извѣстнѣйшихъ водевилей и шутокъ,—одинъ изъ величайшихъ писателей. Непритязательныя на видъ, его веселыя пьесы заключаютъ въ себѣ насмѣшку надъ самыми сокровенными сторонами человѣческой души. Возьмите, напимѣръ, общеизвѣстную его комедію «Le voyage de M. Perrichon», переведенную на русскій языкъ подѣ нелѣпымъ заглавіемъ «Тетеревамъ не летать по деревьямъ». Идея пьесы: мы любимъ тѣхъ, кому покровительствуемъ, и не любимъ тѣхъ, кто оказалъ намъ помощь—глубока, серьезна и великолѣпно разработана. Никто не отбѣнилъ такъ ярко трагикомическую сущность адюльтера, какъ Лабишъ одной только фразой, вложенной въ уста любовника: «Мой другъ — говоритъ онъ мужу съ горечью—твоя жена насъ обманываетъ». И буржуа Бландине, который послѣдовательно то всему вѣрять, то ничему не вѣрять, — выразитель глубочайшей философской истины, Декартъ, вывернутый на изнанку: вѣрю потому что таково мое настроеніе, не вѣрю, потому что не желаю, и цѣна очевидности есть цѣна моего настроенія. А потому, если угодно, *sicdo quia absurdum...*

Билибинъ имѣлъ данную статью русскимъ Лабишемъ, но жилъ и умеръ русскимъ И. Грэкомъ. Онъ подмѣчалъ смѣшныя стороны, чувствовалъ комическія положенія, находилъ интересныя сцѣпленія, забавные анекдоты. Но онъ не углублялъ наблюденій, плавалъ на поверхности, довольствовался «осколками» смѣшного, не добывая трагикомической сути жизни въ цѣломъ. Юмористическій журналъ читается какъ сладкое блюдо—на послѣдокъ. Билибинъ такъ и смотрѣлъ на себя: пирожное для сытно пообѣдавшихъ... И все, что было горькаго, и соленого, желчнаго и чувствительнаго, ѣдкаго и трогательнаго въ его душѣ,—такъ и осталось невыявленнымъ, лежащимъ безъ всякаго употребленія въ маленькомъ ящикѣ его дарованія, который никогда не отпирался..

Homo novus.

Тривихціалъная лѣтопись.

ХЕРСОНЪ. Въ великопостномъ и лѣтнемъ сезонахъ нынѣшняго года наблюдается особенно усиленный „налетъ“ гастролеровъ.

Вслѣдъ за Муромцевымъ и Саксаганскимъ, о которыхъ я уже писалъ, два спектакля въ городскомъ театрѣ дала г-жа Пасхалова съ труппой г-жи Рахмановой. Гастроли Пасхаловой совпали съ первыми днями еврейской пасхи и поэтому въ матеріальномъ отношеніи явились не совсѣмъ удачными (взято по 300 р. на спектакль). Что же касается художественныхъ результатовъ, то не говоря уже о невозможно слабомъ антуражѣ, исполненіе самой Пасхаловой было далеко не удовлетворяющимъ. Явилась-ли почтенная артистка въ Херсонъ слишкомъ уже утомленной, послѣ долгаго зимняго сезона и гастролей въ Одессѣ, или же неумолимое время отразилось на дарованіи артистки, но въ исполненіи г-жей Пасхаловой ея ролей (Нора и Сильвия въ „Джіоконда“) слишкомъ ощущался недостатокъ въ драматической силѣ.

На 5 недѣль поста дало 4 спектакля „Товарищество новой драмы“ подъ управл. Вс. Э. Мейерхольда и Р. А. Унгеря. („Жизнь челоѣка“, „Побѣда смерти“ и „Балаганчикъ“, „У царскихъ вратъ“, „Электра“ и „Сестра Беатриса“). Спектакли „театра Мейерхольда“ также внесли не малую струю разочарованія въ общую приподнятость ожиданія публики.

Къ наиболѣе удачнымъ спектаклямъ слѣдуетъ отнести пьесу Гамсуна „У царскихъ вратъ“ и „Побѣду смерти“. Первая пьеса поставлена была въ реалистическихъ тонахъ, и имѣла громадный успѣхъ и главнымъ образомъ благодаря яркой, полной художественныхъ нюансовъ, игрѣ г-жи Будкевичъ (Элина). Г-жа Будкевичъ несомнѣнно блестящая кокетка съ нѣкоторымъ налетомъ лиризма; какъ героиня г-жа Будкевичъ производитъ болѣе слабое впечатлѣніе: роли Альгисты и Беатрисы артисткѣ уже менѣе удалась. Въ пьесѣ „У царскихъ вратъ“ также имѣлъ успѣхъ и г. Мейерхольдъ, игравшій Карэно. Постановка на нашей сценѣ „Сестры Беатрисы“ какъ-то не совсѣмъ удалась; кромѣ слабости общаго тона исполненія, крайне не удачные результаты получились и отъ приспособленія для этой пьесы декораціи монастыря изъ „Эроса и Психеи“. Исполненіе г-жей Волоховой роли Электры можно назвать совершеннымъ въ пластическомъ отношеніи, внутренняго же огня въ ея исполненіи не чувствовалось.

Нельзя безъ чувства художественнаго удовлетворенія не остановиться на исполненіи г-жей Веригиной ролей жены Челоѣка и Хризатеиды, также на исполненіи г. Аркадьевымъ роли короля въ „Побѣдѣ смерти“.

Несмотря на то, что „Балаганчику“ Блока г. Мейерхольдъ сдѣлалъ нѣкоторую „предпосылку“, публика все же недоумѣвала и принимала постановку за забавный курьезъ.

Всего поставлено было 4 спектакля и взято по 320 руб. на кругъ.

На пятую же недѣль поста въ городской аудиторіи дала безъ всякаго успѣха два спектакля еврейская труппа Фишона.

На пасхальной и Фоминой недѣляхъ въ городскомъ театрѣ дала 13 спектаклей опереточная труппа г. Тряпичина. Въ составъ труппы вошли: г-жи Вольская (лир.), Гамалей (старуха), Дези-Дорнъ (каск.), Е. В. Зброжекъ-Пашковская (каск.), гг. Громовскій, Германъ и Дмитріевъ (комики), Днѣпровъ (баритонъ-простакъ), Петровскій (простакъ) и Радинъ (теноръ). Наибольшимъ успѣхомъ пользовались г-жи Зброжекъ, Дези-Дорнъ, Гамалей и Вольская, изъ мужчинъ же г. Дмитріевъ и Днѣпровъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ г. Днѣпровъ: артистъ онъ еще совсѣмъ молодой, раньше пѣлъ въ оперѣ, голосъ хорошо поставленный, большого діапазона, сильный и очень красивый; игра живая. Несомнѣнно, что на опереточной сценѣ г. Днѣпрову предстоитъ занять не послѣднее мѣсто. Въ общемъ составъ труппы слѣдуетъ признать довольно удачнымъ. Хорошъ былъ и хоръ; умѣло велъ оркестръ г. Неймеръ. На кругъ взято около 450 руб. Матеріальные результаты были-бы значительнѣе, если-бы не отсутствіе въ первыхъ спектакляхъ тенора и болѣзнь г. Дмитріева, благодаря чему „Веселая вдова“ была поставлена съ такимъ неудачнымъ распредѣленіемъ ролей, что на второмъ представленіи этой оперетки публики было уже очень мало.

3-го и 4-го мая далъ 2 гастроли г. Южинъ. Поставлены были: „Сынъ Жебуае“ и „Дѣльцы“. Спектакли сошли съ большимъ художественнымъ успѣхомъ; изъ всей гастрольной серіи, гастроли Южина въ артистическомъ отношеніи явились самыми удачными. Валовой же выручки за оба спектакля взято 1,200 руб.

7-го и 8-го мая двѣ гастроли дала М. Г. Савина („Невѣрная“, „Пациентка“ и „Доходы миссисъ Уоренъ“). На кругъ взято 600 руб.

Съ 14 по 19 мая состоялось 5 гастролей братьевъ Адельгеймъ, съ труппой Черновской и Чернова. Поставлено было: „Кручина“, „Казнь“, „Кинъ“, „Гамлетъ“ и „Трильби“. Въ виду крайней „залежалости“ репертуара, а также слабости труппы, матеріальные результаты были не блестящи, на кругъ взято всего около 200 руб.

Въ началѣ мая пріѣхала къ намъ украинская труппа подъ упр. г. Колпониенко. Было дано 4 спектакля въ городской аудиторіи и 4 въ городскомъ театрѣ. Несмотря на довольно приличный составъ труппы, дѣла были очень плачевны и труппа должна была переключаться въ Вознесенскъ.

23, 24 и 25 мая далъ три гастроли В. Н. Давыдовъ („Король“, „Дѣти Ванюшина“ и „Крахъ министерства“).

Сборы были средніе; на кругъ взято 425 руб.

Городская аудиторія на зимній сезонъ снята антрепренеромъ городского театра Н. Д. Лебедевымъ подъ драматическіе спектакли (2 комед. въ нелѣпо обязательныхъ). Репертуаръ— по выбору комитета по завѣдыванію аудиторіей; цѣны должны быть общедоступными. Снимая аудиторію, г. Лебедевъ обязался пополнить труппу городского театра девятью новыми артистами и уже изъ этой группы выдѣлится артистовъ для обслуживания аудиторіи.

Въ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ ремонту аудиторіи (устройство фойе, улучшение сцены и проч.) и тогда аудиторія превратится въ прекрасное, вполне удобное, просторное театральное помѣщеніе (около 700 мѣстъ; наивысшій сборъ—около 700 руб.).

Въ маѣ м-цѣ здѣсь образовалось товарищество драматическихъ артистовъ подъ управл. гг. Болотина и Рославскаго. „Товарищество“ это въ продолженіи пѣта будетъ ставить спектакли въ Херсонѣ (аудиторіи и военно-форштадскомъ театрѣ) и въ окрестныхъ городкахъ (Алешки, Бериславъ, Каховкѣ и Голая-Пристань). Въ Алешкахъ, „товариществомъ“ съ этой цѣлью снятъ театръ на весь лѣтній сезонъ (2 спект. въ недѣлю обязательныхъ).

Въ составъ труппы вошли: г-жи Л. Э. Джонни-Волкова, М. И. Дарлингъ, К. Г. Кривская, Е. Б. Манусова, К. Ф. Степана и гг. А. Я. Арлатовъ, Я. Е. Волотинъ, Маловъ, Л. А. Михайловскій, Я. М. Рославскій, М. С. Разумный, Я. Г. Шигоринъ, Я. С. Яровъ и друг. Нѣкоторые изъ нихъ окончили драмат. школу г. Долинова. Какъ интересное явленіе, долженъ отмѣтить, что всѣ члены товарищества, безъ различія занимаемаго ими въ труппѣ положенія, получаютъ одинаковыя марки; кромѣ того рѣшено избрать товарищескій судъ для разрѣшенія этико-профессиональныхъ споровъ.

Открыло „товарищество“ свои дѣйствія 14-го мая въ Алешкахъ „Весеннимъ потокомъ“. На-дняхъ начнутся спектакли въ Херсонѣ, а также и на Голой-Пристанѣ.

За весь сезонъ у насъ состоялись лишь 2 концерта: симфоническій (устроенный мѣстнымъ отд. И. Р. М. О.) и концертъ завѣзжихъ италянскихъ пѣвцовъ. Сборы были средніе.

Спектаклями В. Н. Давыдова, можно сказать, заканчивается „гастрольная страда“. На мѣстномъ театральномъ горизонтѣ ничего болѣе не предвидится. Въ распоряженіи публики остаются лишь: циркъ, 3 иллюзіона и кафе-шантанъ. Впрочемъ для мѣстнаго городского самоуправления, которое никакъ не собирается построить лѣтній театръ, этихъ „удовольствій“ пожалуй и достаточно. *Гр. Элькиндъ.*

ВИЛЬНА. Антрепренеръ г. Строевъ добросовѣстно выполняетъ свои обѣщанія: ежедневно идутъ спектакли съ участіемъ какого-нибудь крупнаго гастролера, и даже нѣсколькихъ сразу.

Начали съ „Свадьбы Кречинскаго“ (Кречинскій—г. Далматовъ, Расплюевъ—г. Петровскій). Затѣмъ, при участіи тѣхъ же гастролеровъ, шли: „Губернская Клеопатра“ и „Предложеніе“, „Трильби“, „На покое“, „День денщика Душкина“, „Безприданница“, „Дядя Ваня“, „Въшняя деньги“, „Отецъ“, „Богъ мести“, „Корнетъ Отлетаетъ“ и „Провинціалка“, „Слушай Израиль“. Съ 18 мая къ упомянутымъ гастролерамъ присоединилась М. Г. Савина, выступившая для перваго спектакля въ „Отчемъ домѣ“ (г-жа Савина—Магда, г. Петровскій—Пасторъ). Затѣмъ, съ участіемъ всѣхъ трехъ гастролеровъ,—„Фимка“, „Пустоцвѣтъ“, „Идиотъ“, „Послѣдняя жертва“ и „Пациентка“ (бен. г-жи Савиной). Съ 25 мая—гастроли А. И. Южина; шли „Мастеръ“, „Закатъ“, „Надо разводиться“, „Дѣльцы“, „Сильные и слабые“, „Джентльмены“.

Нельзя не привѣтствовать такое привлеченіе крупныхъ артистическихъ силъ въ провинцію. Театральная публика г. Вильны, во всякомъ случаѣ, должна быть признательна г. Строеву. Другой вопросъ,—какъ отзовется эта система гастролей на молодыхъ силахъ труппы. Съ одной стороны участіе въ спектакляхъ съ образцовыми артистами является до нѣкоторой степени хорошей школой для труппы, съ другой стороны не могу не отмѣтить, что горячка гастрольной системы, ежедневная постановка новыхъ пьесъ въ зависимости отъ репертуара того или другаго гастролера съ одной—двухъ репетицій, все это нѣсколько отозвалось на молодыхъ, еще не окрѣпшихъ силахъ труппы. Ясно, что то почти безупречно ровное исполненіе, которое я отмѣтилъ въ догастрольномъ періодѣ, должно было выйти изъ равновѣсія и нѣтъ-нѣтъ тотъ или иной актеръ проявляетъ какую-то растерянность, выбиваясь изъ колеи, и даетъ замѣтные недочеты на общемъ фонѣ исполненія. Даже болѣе опытные актеры, какъ г-жа Охотина—хорошая комическая старуха и г. Панинъ и тѣ иногда вываютъ не на высотѣ знанія роли (какъ, напр., въ пьесѣ „Надо разводиться“); очень недурной простакъ г. Хотевъ безпощадно

комкает маленькую, но выпуклую роль окологородного („На покоѣ“), г-жа Воеводская очень неудачно проводит роль Ирины въ „Послѣдней жертвѣ“ и т. д. Я не хочу ставить эти отдѣльные промахи въ укоръ молодымъ актерамъ, но хочу лишь указать, что имъ, выказавшимъ себя со столь симпатичной стороны до прїѣзда гастролеровъ, при новыхъ условїяхъ значительно труднѣе проявить свою индивидуальность и сохранить стройность ансамбля. Что же касается гастролеровъ, то все они пользовались крупнымъ успѣхомъ. Чрезвычайно интересны были всѣ роли, сыгранныя г. Далматовымъ. Изъ ролей г. Петровскаго особенно удачными были: Расплюевъ, Душкинъ, Лидинъ-Байдаровъ („На покоѣ“), Фроль Оедульчъ („Послѣдняя жертва“), Слюдикинъ („Фимка“), Стремловъ („Закатъ“). Г-жа Савина имѣла наибольшей успѣхъ въ „Пустощахъ“, „Послѣдней жертвѣ“ и „Пациенткѣ“.

Интереснѣйшимъ на мой взглядъ спектаклемъ въ сезонѣ былъ „Мастеръ“ Бара съ А. И. Южинымъ въ главной роли; талантливый артистъ положительно электризировалъ публику жизненной передачей роли Кая Дура. Отмѣчу еще въ этомъ спектаклѣ г. Шумскаго—Мельхора, г. Хенкина—Викъ, г-жу Кремневу—Виолетту; примѣняя болѣе строгую мѣрку къ г. Петровскому, долженъ замѣтить, что артисту невольнѣ удалось въ высшей степени трудная роль Кокоро,—моментами слишкомъ замѣтна была форсировка и сдѣланность.

А. М.—рѣ.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Смотрѣлъ „Уриеля Акоста“ на малорусскомъ языкѣ, въ переводѣ Льва Сабинина. Я шель въ театрѣ, думая, что не висю ни одного акта, но досидѣлъ до конца. Мягкій, ласкающій слухъ, языкъ Украйны, какъ нельзя лучше подходитъ къ содержанию этой лирической трагедии. Уже второе лѣто къ намъ наѣзжаетъ труппа Сабинина, уважаемаго работника на родной нивѣ. Сабининъ поборникъ введенія въ репертуаръ пьесъ не только изъ жизни одной Украйны, но общемїрской. Такъ, въ прошломъ году онъ далъ намъ среди новинокъ изъ малорусской жизни „Власть Сатаны“, фантазію-драму польскаго писателя Ридала, теперь пьесу „За ридный край“, эпизодъ изъ обороны польской святыни—Ченстоховскаго монастыря, „Уриель Акоста“ и на-дняхъ идетъ „Ревизоръ“.

Я читалъ на-дняхъ пока единственный экземпляръ „Отелло“, переведенный очень талантливо батюкою малорусской сцены, Маркомъ Кропивницкимъ. Сабининъ уже готовитъ его къ постановкѣ. Это уже громадный шагъ впередъ въ малорусскомъ репертуарѣ, все еще не выходящемъ изъ заколдованнаго круга „горилки“ и „трепака“. Далѣе переводится „Графъ де Ризоръ“ и еще..

Первая изъ поставленныхъ пьесъ „За ридный край“ форменная мелодрама, съ рѣзней, стрѣльбой и пр. и особаго впечатлѣнія на мыслящую публику не произвела. Если вы добавите, что при гладкомъ хотя исполненіи, молодой способный актеръ Сагайдачный превратилъ и безъ того шаржированную роль шведскаго полковника Буллера въ рыжого клоуна ярмарочнаго цирка, чѣмъ провалилъ первый актъ пьесы, если примете во вниманіе, что героиня пьесы—Ядвѣга Золотовска, которую играла талантливая артистка Гуренко, по внѣшности была похожа на грузинку, еврейку—но не польку (черные, какъ смоль волосы, черныя брови на матовомъ лицѣ), то вы поймете мое неудовольствіе. За то насъ вознаградила „Акоста“. Въ провинціи только у малороссовъ можно поставить такъ сцену отреченія. Стройный хоръ, за душу хватающая мелодія, свѣжіе и вѣрные эпохъ костюмы, прекрасный гримъ, хорошая декорация—это только содѣйствовало успѣху пьесы съ такимъ исполнителемъ, какъ Сабининъ въ роли Акосты. Немножко слабъ Бень Акиба. Публика, та малорусская публика, которая привыкла къ „гопаку“, очень внимательно выслушала пьесу и хорошо принимала труппу.

Идутъ малороссы на кругъ по 300 руб., что для лѣтняго дѣла очень хорошо.

В. Камисев.

КОЛОМНА, Моск. губ. Дирекція М. М. Никитской. Весь май погода стояла октябрьская, что, конечно, не могло не отразиться на сборахъ лѣтняго театра и сада Коммерческаго Собранія. За май взято около 900 рублей. Прошли пьесы: „Въ старые годы“, „Безприданница“ и „Именины кухарки“, „Освобожденіе челоуѣка“ и „Вѣрочкинъ секретъ“, „Красный цвѣтокъ“ и „Меблированныя комнаты Королева“, „Отмѣтка въ поведеніи“ и „Женихи по объявленію“, „Ревизоръ“, „Безработные“ и „Маурка въ пользу голодающихъ“, „Мертвыя души“ и „Женитьба“, „Счастье только въ мужчинахъ“ и „Виць-мундиръ“. Ожидаются гастролі московскихъ артистовъ.

ВЕОДОСИЯ. Какъ извѣстно во время бывшаго въ дни свободы здѣсь погрома, громилами было сожжено зданіе городской управы и вмѣстѣ съ нимъ сгорѣлъ и городской концертный залъ, служившій единственнымъ мѣстомъ для театральнѣхъ представленій заглядывавшихъ сюда труппъ. Съ тѣхъ поръ городское управленіе непрерывно ведетъ безконечную тяжбу со страховымъ обществомъ изъ-за премии, а городъ все время обходится безъ порядочнаго помѣщенія для театра. Правда, лѣтомъ 1907 г. въ самомъ центрѣ города И. М. Безкоройнымъ было возведено зданіе театра-цирка, но оно оказалось не совсѣмъ удовлетворительнымъ помѣщеніемъ. По-

строить основательное зданіе нѣтъ возможности, такъ какъ въ условїяхъ сдачи подъ театрѣ городскаго мѣста городомъ внесено условіе объ обязанности для владѣльца театра во всякое время по первому требованію города снести это зданіе. Существующій въ городѣ городской лѣтній театрѣ (аренд. А. Я. Козловъ) въ виду своей отдаленности не привлекаетъ большіхъ сборовъ и также не исполнѣе удовлетворяетъ необходимымъ требованіямъ. Въ послѣднее время среди группы капиталистовъ, мѣстныхъ обитателей, возникла мысль о необходимости исполнить этотъ пробѣлъ и съ этой цѣлью образовано солидное акціонерное общество (во главѣ съ предв. двор. камеръ-юнеромъ В. А. Княжевичемъ) для постройки театра. Городская дума пошла навстрѣчу этому предпрїятію, отводитъ мѣсто для постройки въ самомъ центрѣ города и т. п. Такимъ образомъ, и нашъ городъ обзаведется, наконецъ-то, настоящимъ театромъ.

Съ 1-го мая у насъ играетъ товарищество драматическихъ аргисовъ подъ управленіемъ аргиста Императорскаго Малаго театра М. И. Мартынова. По своему составу труппа въ значительной степени выгодно отличается отъ гастролеровъ здѣсь раньше. Солидныя имена артистовъ, строго выдержанный репертуаръ и дружнѣе ансамбль.

Несмотря на то, что большинство пьесъ идетъ въ Веодосіи впервые, хорошими сборами товарищество пока похваляется не можетъ. Это слѣдуетъ отнести исключительно за счетъ некультурности публики, находящей полное удовлетвореніе въ созерцаніи бископовъ и номеровъ открытыхъ сценъ. Къ счастью значительный контингентъ истинныхъ любителей искусства даютъ прїѣзжіе, охотно посѣщающіе спектакли. Въ среднемъ на кругъ пока приходится отъ 150—160 руб., что для товарищества недостаточно. Наибольшіе сборы дѣлаютъ, новинки.

Въ первые дни товариществомъ были поставлены „Казнь“, „Цѣна жизни“, „Волки и Овцы“, „Сильные и слабые“, „Ради счастья“, „Звѣзда“, „Дѣльцы“ („Смерчь“), „Которая изъ двухъ“, „Педагоги“ („Воспитатель Флакманъ“), „Миссъ Гобсъ“, „Борцы“, „Безприданница“, „Красная мантия“, „Марья Ивановна“, „Короля“, „Измѣнница“ и др.

Исполненіе большинства пьесъ почти безукоризненное. Изъ женскаго персонажа слѣдуетъ смѣтить прежде всего прекрасную героиню О. И. Токареву. Тонкая отдѣлка ролей и тщательно продуманная игра особенно хороша была артистка въ роли Ларисы въ поставленной для ея бенефиса „Безприданница“. Нравится публики Л. Н. Саратова (grand-coquette), обладающая весьма счастливой внѣшностью. Отмѣтимъ еще г-жъ Аурскую (ingénue), Егорову (ingénue) и Романову (грандъ-дамъ). Роли героевъ находятъ въ опытныхъ рукахъ артиста Малаго театра М. Ф. Ленина. Это широкій, разносторонній артистъ. Особенно удался артисту роли Бѣльскаго („Дѣльцы“), Визангера („Звѣзда“). Очень хорошей резонеръ г. Голывинъ (Сафоновъ въ „Дѣльцахъ“, Василій Данилычъ въ „Безприданницѣ“). М. И. Мартыновъ (характерный фатъ) серьезный и интересный истолкователь ролей, отлично держится на сценѣ. Г. Гулинъ очень недурный любовникъ-проstackъ. Старательный и разнообразный актеръ—В. Сазоновъ (любовникъ). Отличнымъ комикомъ проявилъ себя П. А. Павловъ (Робинзонъ въ „Безприданницѣ“). Полезные дѣятели гг. Сухановъ, Домашевъ, Буяновъ, Барановъ, Невѣринъ и г-жи Ступина, Никольская, Самарова.

В. Д. Гейманъ.

МОГИЛЕВЪ-ПОДОЛЬСК. 15 мая въ нашемъ городскомъ театрѣ открылись спектакли драматической труппы А. С. Зарѣчной. Составъ труппы г-жи Трубецкая, Волынская, Рюмина, Рогожинъ, Вышнеградскій, Григорьевъ, Рудинъ Колпашниковъ и др. Открытіе состоялось драмой Немировича-Данченко „Цѣна жизни“. Первое представленіе публикѣ очень понравилось. Г-жа Трубецкая обратила на себя вниманіе сценической внѣшностью, манерами и хорошей дикціей. Она дала нѣсколько неподдѣльных искреннихъ моментовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела сцена третьяго акта. Г-жа Волынская, очевидно еще молодая актриса съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Понравился г. Рогожинъ въ роли Демурна. Приличенъ также г. Григорьевъ и г-жа Рюмина. Роли Саши и Вари сыграны весело г-жами Вершининой и Зориной.

Въ общемъ, спектакль прошелъ съ достаточнымъ ансамблемъ. Сборъ былъ полный. Репертуаръ намѣченъ слѣдующій: „Хаосъ“, „Богъ мести“, „Грѣхъ“, „Жить хочется“, „Вишневый садъ“, „Мѣщане“, „На днѣ“, „Падшіе“, „Богатая мать“, „Кинь“ и др.

И. П. Ав—рѣ.

НІЕВЪ. Играющая въ закрытомъ театрѣ „Шато“ еврейская труппа С. Адлера, кромѣ пьесъ „Пасынки жизни“, пополнила свой репертуаръ пьесой Аша „Богъ мести“. Въ роли Янкеля выступилъ приглашенный на гастролі, извѣстный артистъ, ветеранъ еврейской сцены, М. Меерсонъ. Въ этой роли г. Меерсонъ показалъ всю величину своего таланта. Въ пьесѣ также выступали съ успѣхомъ г-жа Нерославская и г. Фишелевичъ, въ роляхъ Ривкеле и Ребъ Эли. Одновременно съ прїѣздомъ г. Меерсона включены въ репертуаръ его пьесы, которыя уже анонсируются и пойдутъ подъ его же режиссерствомъ.

И. Гиталинъ.